

Валерий ГОРШКОВ

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

ТЮРЬМА
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ
ПОЗДНЯЯ ИСПОВЕДЬ

Тюрьма особого назначения

Валерий Горшков

Поздняя исповедь

«Автор»

Горшков В. С.

Поздняя исповедь / В. С. Горшков — «Автор», — (Тюрьма
особого назначения)

«Каждый из нынешних обитателей Каменного острова был тварью, выродком, нечистью и не имел права на существование...» Эти слова сказаны православным священником отцом Павлом. Он служит в тюрьме особого назначения среди преступников, приговоренных к пожизненному заключению. Тюремная паства в своей основе лживая, лицемерная, лишь изображающая раскаянье в суетных молитвах. Выделяется из этой мрачной толпы, пожалуй, лишь один человек. Он никого не винит и не жалеет о содеянном. Это Алексей Гольцов, бывший бандит по прозвищу Реаниматор. От истории, которую осужденный рассказал священнику, кровь стынет в жилах и леденеет душа. Но отец Павел не только выслушал Реаниматора, но нашел в его сердце искры добра и сумел проявить сострадание к невероятной, полной трагизма судьбе...

© Горшков В. С.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Валерий Горшков

Поздняя исповедь

События, описанные в романе, являются авторским вымыслом, а все возможные совпадения с реальными фактами и людьми – случайны.

Пролог

Два пропылившихся по самые крыши тяжелых мерседесовских грузовика с каждой секундой неуклонно приближались к латвийско-российской границе. Вдали, за поросшим высокими разлапистыми соснами зеленым холмом, уже промелькнула и исчезла вышка связи контрольно-пропускного пункта «Терехово». Человек на русской стороне секунду назад подтвердил, что зона таможенного досмотра практически свободна. Привычной каждому дальнобойщику многокилометровой очереди нет: в свой апогей вступил летний праздник Лиго – ночь пива, костров и пьяного разврата в зарослях папоротника. В это время верные народным традициям полупьяные таможенники всегда ползают сонными мухами, пропуская по одной машине в два часа, и бывалые дальнобойщики, если выпадает такая возможность, предпочитают пересекать границу либо до праздников, либо через сутки-двое после них. В общем, путь свободен...

До того мгновения, когда два одинаковых, белых с красной полосой, грузовика пересекут первый шлагбаум, отрезав себе путь к отступлению, оставалось всего несколько минут. Через полкилометра будет развилка. Последняя перед границей. Проскочи ее – и назад хода нет...

Скорпион, высокий широкоплечий сорокалетний громила в мятом костюме, с лицом прожженного торгаша, сидел в кабине головной фуры, исполняя роль сопровождающего экспедитора от липовой питерской фирмы, и заметно волновался. Прикуривая уже третью сигарету без перерыва, он подумал, глядя на трепещущий огонек бензиновой зажигалки фирмы «Зиппо», что профессиональные летчики называют этот короткий промежуток временем принятия решения. Самолет уже набрал скорость, уже, воя турбинами и вибрируя всем алюминиевым телом, несется по шербоатой бетонке, но у командира еще остается последняя возможность отменить взлет, не поднимать груженный золотыми слитками лайнер в сверкающее молниями грозное небо над бескрайней заполярной тундрой. Совсем скоро, когда самолет пересечет белую черту и наберет предельную скорость, шанса затормозить уже не будет: либо надо тянуть штурвал на себя и взмывать в небо, доверяя судьбу груза, в связке со своей жизнью, капризам безжалостной погоды, либо в этом занюханном, единственном на тысячу километров вокруг аэропорту станет одной авиакатастрофой больше...

Скорпион жадно глотал горький дым и играл желваками, неподвижно глядя в залепленное кляксами размазанных мух лобовое стекло. Для волнений действительно имелись причины, потому что грузовики должны были во что бы то ни стало сегодня пересечь границу и к утру прибыть в Питер. Все шло как по маслу, и вдруг – такая подлянка! Нет, с пьяными Янисами проблем не возникнет. Дыша перегаром, они лишь бегло посмотрят документы, проверят пломбы на прицепах и лениво махнут в сторону сопредельной стороны. А вот там...

«Окно» на российской таможне, на наличии которого и строилась вся комбинация, неожиданно закрылось буквально пять минут назад, когда фуры были уже на подступах к КПП. У купленного папой давно и с потрохами начальника смены, рябого и вечно потного капитана Кузьмука, вдруг случился острый приступ аппендицита, и стража экономических рубежей родины пришлось срочно госпитализировать. Слава богу, рябой таможенник, скуля от боли в животе, как пытающаяся разродиться сука, успел набрать номер Скорпиона и сообщить о

непредвиденном осложнении. Короче, отмазался, тварь. Только что толку? Переносить, как минимум на две недели, до выздоровления Кузьмука, спланированную заранее операцию по переброске через кордон и далее, в Красноярск, двух полностью автоматизированных бельгийских спиртовых мини-заводов, закамуфлированных под автозапчасти для иномарок, крайне нежелательно. Головой отвечающий за халявную таможенную Скорпион знал, что в случае запала его ждет не только безумный штраф, отработать который он, даже из последних сил надрывая пуп, вряд ли сможет до гробовой доски, но и жестокие «оргвыводы с занесением в челюсть», на которые щедрый в радости, но лютый в ярости папа в любых форс-мажорных обстоятельствах обычно не скупился.

«А ведь может, козел старый, сгоряча и в расход пустить! – кусая губы, лихорадочно размышлял трусоватый амбал. – Сам. Прилюдно. Как тогда Волкодава».

Фуры тем временем на скорости восемьдесят километров в час неукротимо перли вперед. Ничего не подозревающий усатый водила, сидевший рядом с «экспедитором», то и дело поглядывал на наручные «котлы», явно прикидывая, как уже через каких-нибудь восемь-десять часов будет у себя дома, на Гражданке. Недавний тревожный звонок таможенника не насторожил его – разговаривая со скулящим Кузьмуком, Скорпион не сболтнул ничего лишнего. Да и что, собственно, можно сказать в такой ситуации? Аппендицит у мудака, мать его! Лучше бы у него нашли сиф или СПИД!

Контрабандный ввоз в Россию и продажа сибирским теневым бутлегерам напичканных электроникой спиртовых заводиков, по грубым прикидкам Скорпиона, давали папе не менее двух «лимонов» чистого навару. А за такие бабки кто угодно наждачный круг зубами остановит. К тому же в речном порту Питера ценный груз уже поджидало специально зафрахтованное грузовое судно, которое должно было, минуя забитые алчными ментами и шайками лихих грабителей лесные автодороги, по воде доставить груз в далекий от цивилизации маленький городок, откуда «запчасти для иномарок», став по документам чем-то вроде сантехнической арматуры для толчков, окончательно запутав следы, в сопровождении вооруженной охраны проследуют до Красноярска по железной дороге. Скорпион, одно из доверенных лиц папы и непосредственное звено в контрабандной цепочке, хоть и отвечал лишь за пересечение границы, но был в курсе общего расклада. Как и еще пара-тройка задействованных в операции людей...

Не в силах самостоятельно принять столь серьезное и ответственное решение – гнать или нет грузовики через «Терехово», полагаясь на удачу, – Скорпион коротко буркнул водиле: «Тормозни-ка, Витек, прямо тут, на минутку. Отлить приспичило». Когда головная машина, а за ней и шедшая следом, натужно рыча моторами, остановились на обочине, он взял брошенный в раздражении после разговора с Кузьмуком на панель сотовый телефон, вылез из кабины, углубился в придорожный лес и уже там набрал прямой номер старика.

Связь была отличной. Казалось, собеседник находится рядом, за ближайшим кустом. Всемирный роуминг – это игрушка только для богатых.

– Ну что, Санек, тебя можно поздравить, а?! – не здороваясь (номер звонившего сразу высветился на дисплее папиного мобильного), бархатным голосом отозвался семидесятилетним авторитет Олег Степанович Белов, известный в криминальном мире Питера под погонялом Тихий. Шесть сроков за кражи, из них первый – условно, ни одного дня работы на государство, нестигаемое следование воровским принципам и неожиданная, буквально за три дня до объявленной коронации в законные, женитьба на прима-балерине Мариинского театра, едва не стоившая ему жизни, сделали старика известным в Северной столице человеком. Отказавшись ради красавицы-жены и будущего ребенка, уже живущего под сердцем новобрачной, от закона, по которому особо опасный рецидивист Олег Степанович Белов жил аж с послевоенных лет, новоиспеченный супруг не только счастливо избежал «правилки» за демонстративный плевок в сторону бывших товарищей по воровскому братству, но и сумел прочно закрепиться

на ниве питерского криминального бизнеса, заняв свою пусть невеликую, но весьма доходную нишу. Держась равноудаленным особняком и от тогда только начинавших наступать на пятки отмороженных «спортсменов», и от бывших коллег, хитрый, закаленный жизнью среди двуногих волков и наученный четырнадцатью годами зоны Тихий умудрялся существовать, действовать и стричь «капусту», не конфликтуя ни с матеревшими день ото дня рэкетирами, ни с ворами, готовыми без долгих раздумий поступиться принципами ради наживы и вынужденного хрупкого мира с «новыми».

Помаленьку крышуя знакомых коммерсантов, прокручивая попадавшие в поле зрения личные сладкие гешефты вроде контрабанды пользовавшихся огромным спросом спиртовых мини-заводов, имея знакомых в кабинетах на Литейном и в Смольном, через подставных лиц владея несколькими прибыльными фирмами и держа при себе в качестве ударной силы гвардию из тридцати боевиков, Тихий никогда не изображал из себя слишком крутого, но за свое кровное перегрыз бы горло любому, благо ради папы его маленькая наемная армия была готова по-самурайски ринуться в бой хоть с чертом и перед смертью порвать в клочья добрую половину превосходящей по численности группировки противника. Зная об этом и в глубине души не столько уважая, сколько побаиваясь лихого криминального седебородого дедушку с внешностью тихого пенсионера-садовода, большинство банкующих в городе бандитов не рисковали идти на прямой конфликт с Тихим, не зарились на его скромную, если вникнуть, часть пирога, в частных разговорах отзывались о Степаныче уважительно, а при встрече здоровались с сухопарым дедком за руку. Вот таким интересным персонажем на питерской криминальной сцене был хозяин мучившегося тяжелой дилеммой Скорпиона.

Старик, конечно же, ждал звонка с известием о благополучном пересечении границы. Время поджимало.

– Уже на родимой стороне, Санечка? – ласково спросил Тихий. – Ну, тогда ништяк...

– Шкреба, Степаныч, – словно выдавливая геморрой, глухо, с напрягом, ответил Скорпион, смахивая со лба бисеринки холодного пота. – Мы пока еще у лабусов. Тут заминочка вышла... Хочу с тобой посоветоваться.

– Груз, надеюсь, в порядке? – в спокойном голосе Тихого промелькнула явственная металлическая нотка. Обычно авторитет в любой ситуации умел держать себя в руках, но годы, как ни крути, брали свое.

– Куда он денется! – дабы хоть как-то успокоить старика, безмятежно фыркнул громила Скорпион. – По документам все ништяк. Но Кузьмук, сука!.. Его только что с аппендицитом на «Скорой» в больницу увезли. Прямо с носилок звонил, зубами от боли скрипел, извинялся! Похоже, не врет. Какой ему резон магарыч терять?

– Так-так, – помолчав, вздохнул Тихий. – Ты вообще далеко от КПП?

– Рукой подать, – сообщил громила, свободной рукой ловко расстегивая «молнию» на брюках и облегченно охая в сторону куста. – А-акkurat перед последней развилкой.

– Есть у меня старая задумка на сей гнилой вариант, – почти без раздумья перешел к делу старик. – Я всегда такие гамбиты наперед обдумываю. Плохо, Санечка, припозднились мы. А так... Выбирать не приходится. Товар должен сегодня до ночи прибыть в Питер и завтра утречком уйти на пароходе, иначе возникнут сложности. У красноярских все схвачено, заплачено и по времени согласовано. Да и предоплату я уже получил, под честное слово, – выложил главное обстоятельство Тихий. – А мое слово, Санечка, в нашем стремном и опасном деле дорогого стоит. Под него безо всяких документов кредит в Сбербанке брать можно.

– Знаю, Степаныч, – застегивая ширинку, машинально кивнул Скорпион. Экспедитор понял, что ответственность за контрабандный груз благополучно перешла с его плеч на плечи Тихого, и почувствовал облегчение. Гора с плеч.

– Короче, дело к ночи. Сворачивай и дуй в объезд, через другой пост – тот, что на северо-востоке, – поставил точку старик. – Если надо, деньги у тебя есть, дозаправитесь за латы. При-

дется рисковать, ничего не поделаешь. Если, Сашенька, рябой твой, – старик специально выделил последнее слово, – нас вложил... что маловероятно, ведь не самоубийца же он... тогда в первую голову архаровцы проверяющие будут ждать фуры у него на КПП. Им и в голову не придет, что мы можем такого кругалю дать. А как раз через чухню недоделанную, толли-контролли есть шанс тихо проскочить и без «окна». Без накладки на контрабас ни один таможенник пломбы срывать и сверять груз с накладными не станет.

– Я, признаться, тоже думаю, что все чисто. Кто мог узнать о грузе, кроме нас и красноярцев? Да и кому выгодно кидать вам такую подлянку? – выходя из леса на трассу, приободрился Скорпион. – Верно, Степаныч?

– Хватит лясы точить, не в Госдуме, поди, – резко, по-хозяйски, пресек словоизлияния воспрянувшего духом экспедитора Тихий. – Делай что сказано, а я пока выясню, что да как... Ну, с богом.

– Аминь. Как только будем в России, папа, я сразу отзвонюсь, – пообещал громила, хватаясь за ручку и лихо запрыгивая в кабину урчавшего дизелем «Мерседеса».

Эх, лучше бы он рискнул и погнал фуры напрямик. Но, знать, была у Скорпиона такая незавидная судьба.

Через семь с небольшим часов миновавшие латвийско–эстонскую, а затем эстонско-российскую границы грузовики будут остановлены в лесу, недалеко от Старого Изборска, рядом ГИБДД, усиленным вооруженными бойцами в омовской форме. Во время проверки документов, когда шоферам и Скорпиону будет в ультимативной форме приказано покинуть кабины, все трое будут застрелены точными выстрелами в голову из пистолетов с глушителем, а их истекающие кровью трупы сбросят в придорожный кювет. «Омовцы» сядут за руль грузовиков, и фуры с контрабандными спиртовыми заводами, сопровождаемые ментовским «жигуленком» с мигалкой, рванут в сторону Пскова. Грузовики и прицепы так и не будут найдены...

В час ночи измученный бессонницей Тихий, всерьез обеспокоенный неприбытием прошедшего границу груза в Питер и полным отсутствием связи со Скорпионом, объявил тревогу. К обеду следующего дня через давнего себежского кореша старик выяснил, что сославшийся на острый приступ аппендицита таможенный капитан Кузьмук ни в одну из ближайших к контрольно-пропускному пункту больниц не поступал. И вообще исчез, с концами. Баба его орет горячими слезами.

Менее чем через сутки после инцидента, когда на трассе у Старого Изборска будут обнаружены трупы и станет совершенно ясно, что Степаныча круто подставили, спешно посланные по следу пропавшего таможенника бойцы найдут-таки рябого в заброшенном деревенском родительском доме возле поселка Идрица.

Провонявший от жары, облепленный жирными мухами, голый по пояс Кузьмук будет висеть в петле в обгаженных форменных штанах с высунутым распухшим синим языком. На столе, рядом с пустой литровой бутылкой водки и грязным граненым стаканом отыщется карандаш и клочок бумаги, на котором трудноразбираемыми каракулями капитан-самоубийца оставил просьбу никого не винить в его смерти. Последующая почерковедческая экспертиза подтвердит идентичность почерка таможенника. Себежские менты быстро закроют дело. Мало ли алкашей, в форме или без оной, приняв лишку, едет крышей...

Тихий, выдав вдовам убитых шоферов по пятьсот баксов на похороны, поклялся во что бы то ни стало найти того, кто посмел не только замочить ни в чем не повинных водил и подельника Скорпиона, не только кинуть его, Тихого, на унижительно крупную сумму, но и запятнать кристальную репутацию патриарха питерского криминального мира перед деловыми партнерами из Сибири. Даже в Свято-Троицкий храм дедок сходил и свечи поставил. За упокой, значит, душ безвременно преставившихся рабов божиих. Причем за упокой как несчастных дальнотойщиков и Скорпиона, так и живых, пока еще неизвестных киллеров. Призвал

тем самым на помощь в свершении возмездия и силы небесные. Впрочем, мало было в Питере больших безбожников, чем Тихий.

Во времена далекой молодости он одно время даже был клюквенником: похищал «клюкву» – древние иконы из уцелевших сельских церквей и менял их у столичных барыг на муку. Тогда, правда, ментам не попался...

Лишь после месяца безрезультатных поисков заметно почерневший лицом, постаревший, ставший злым и раздражительным по любому поводу старик совершенно случайно, из новостей, узнал, что похожий спиртовой мини- завод, уже смонтированный и готовый к работе, обнаружен налоговой полицией аж под Москвой, в окрестностях Волоколамска, в подвале маленькой захиревшей фабрики. Срочно посланный Тихим гонец тайно проник в опечатанное мусорами помещение и сверил номера агрегатов. Они полностью совпали. Не прошло и трех дней, наполненных сверх всякой меры угрозами, пытками и прочими неизбежными издержками, как следы привели бригаду скорых на расправу костоломов Тихого из столицы обратно в слякотный Питер к осевшему несколько лет назад на берегах Невы, примкнувшему к одной из крупных группировок братку по прозвищу Новгородский Бык, или Фикса. Два передних зуба у балующегося боксом облома были выбиты и заменены золотыми. Тихий прекрасно отдавал себе отчет в ограниченности своих реальных возможностей и поэтому, узнав-таки наконец имя злейшего врага, буквально возликовал в предвкушении скорого возмездия. Не мешкая ни минуты, он тайно встретился со своим человеком с Литейного, отмаксал подполковнику тугой пресс гринов, и буквально через сутки за Фиксой началась профессиональная слежка. Не топорная мусорская, а по высшему классу, согласно оперативной разработке аж самого Северо-Западного УФСБ! Вот что значит вовремя прикормить нужных людей.

И тут старика ждал настоящий удар! Пахан с удивлением узнал, что главный бухгалтер его маленькой империи, сорокатрехлетняя одинокая и более чем непривлекательная – носатая и колченогая, хотя и вполне обеспеченная материально дама, Наталия Георгиевна Масюлевич, которую Степаныч всегда считал законченной феминисткой, личностью без слабостей и пристрастий, мужененавистницей и которой на протяжении нескольких лет он доверял всецело, уже длительное время является тайной любовницей тридцатилетнего Быка. Этот пробитый боксер, как оказалось, вообще имел извращенную склонность к страшным на рожу бабам бальзаковского возраста. Такие обделенные мужской лаской мымры, если вдруг обломится перепихон, бросаются порой на кобеля с такой страстью, словно завтра на рассвете их расстреляют. Один из актов такого безумия, имевший место в номере гостиницы «Санкт-Петербург», в качестве вещественного доказательства ребята подполковника засняли скрытой видеокamerой. Круг замкнулся. Пора было получать долги. С процентами за моральный ущерб.

Брезгливо пялясь на откровенно гнусное порно – со звериными воплями, анальными ласками и целым арсеналом вспомогательных хреновин из секс-шопа типа вибраторов, насадок на болт, «качелей» (все одновременно!), – Тихий в который раз убедился в незыблемости воровских понятий, требующих никогда и никому не верить. Увы, практика показывает, что продают именно те, кому ты больше всего открываешься. А он, старый зэк, об этом забыл. Расслабился, сменив зэковскую робу на домашние тапочки. И вот наступила расплата.

– Думал, бля, всякого за семьдесят с гаком годков насмотрелся, но чтобы облезлая серая крыса оказалась такой проблядью и позволяла какому-то прыщавому бройлерному мясу гадить себе в рот! – в сердцах сжимал кулаки Тихий, исподлобья глядя на экран домашнего кинотеатра, где происходило нечто сюрреалистичное. На лице старика проступили пунцовые пятна. Подобного скотства в исполнении мужика и бабы он не видал даже в затертых до дыр скабресных немецких бульварных журнальчиках, которые, грешным делом, любил полистать в отдельном углу «хаты» в бытность свою на долгом принудительном отдыхе у «хозяина» на нарах.

– В расход тварюгу! Для начала расколоть как орех, а потом изорвать до дыр, хором, сжечь рожу и пизду в соляной кислоте! – визжал старик в шитом золотой канителью китайском

шелковом халате, топая ногами. Он стоял возле телевизора в просторном, залитом солнечным светом зале своей роскошной восьмикомнатной квартиры на набережной Обводного канала. – Не-на-ви-жу! Пиявка, тля! Да как такую жабу вообще можно ебать?!

Окончательно съехав с катушек, Тихий оскалился, скорчил презрительную гримасу и вдруг, смачно харкнув на демонстрируемую дряблую задницу Масюлевич, запустил пультом от телевизора в увеличивший ее трехкратно цветной широкоформатный экран, защищенный, к счастью, от такого рода эксцессов пластиком. Командир гвардии авторитета, бывший всеволожский опер Пал Палыч Клычков, угрюмо молчал, наблюдая истерику шефа.

Нимфоманка и боксер отныне были обречены. Чтобы другим впредь неповадно было разевать хайло на кусок патриарха, благообразный кровожадный старец, зело рассердившись, потребовал от Пал Палыча радикального решения вопроса.

Допрос Масюлевич, дабы не терять времени, назначили на завтра. Что касается расправы с фиксатом Быком, то здесь требовалась подготовка. Как-никак, а за боксером стоял сам Саша Мальцев, в группировке которого приютился лихой чужак. А вдруг это задумка Мальцева – кинуть Степаныча? Наглядно продемонстрировать старому мухомору, кто в доме хозяин...

Здесь Тихому было о чем подумать. Месть мостью, а пожить сладко, несмотря на преклонные годы, еще ой как хочется! Не только ради себя. Ради жены, отказавшейся семнадцать лет назад, после скандальной свадьбы, от блестящей карьеры балерины, от милой сердцу Маринки и навсегда забывшей про поклонников и богему. А в особенности – ради шестнадцатилетней золотоволосой немой красавицы-доченьки. За нее, Аленушку, единственную во всем мире родимую кровинку, престарелый папаша был готов объявить войну даже НАТО и узкоглазым китайским братьям по ту сторону их Великой стены.

Часть I

Бандит и девушка

Глава 1

Леху разбудил сон, не столько кошмарный, хотя жути в нем хватало с избытком, сколько необычный. Ничего подобного ему старина Морфей на своем ежедневном бесплатном киносеансе одного зрителя еще не показывал. Блокбастер был что надо...

Ему приснилось, что он, Леха Реаниматор, стоит на коленях возле плахи, в мешковатом рубище и в деревянных колодках, а вокруг помоста, предназначенного для публичной казни преступников, беснуется и улюлюкает с трудом сдерживаемая кольцом одетых в доспехи и шлемы стражников многоголосая и многоликая пестрая толпа, состоящая в основном из стариков, убогих калек, растрепанных деревенских баб и грязных оборванцев с продувными жуликоватыми физиономиями. Все это происходит в центре главной площади незнакомого старинного города.

А возле плахи, ухмыляясь поблескивающими через прорези в черном колпаке красными свинячьими глазками, широко расставив кривые ноги и нетерпеливо поигрывая топоришком в застарелых потеках бурой крови, стоит горбатый карлик с вывалившимся из распахнутой потертой кожаной жилетки круглым волосатым животом. Леха понимает, что это бред, сон, и отчаянно пытается проснуться, жадно глотая воздух и дергая руками и ногами. Но плотно стянутые на щиколотках и запястьях деревянные колодки не дают ему возможности шевельнуться. Палач откровенно хмыкает и, опираясь пузом на топорище, укоризненно качает головой в колпаке: мол, куда ты, голубчик, денешься. Жить тебе осталось считанные секунды. Леха хочет его обматерить, но слова застревают в горле, а вместо них вырывается лишь невнятное унижительное хрипение. Палач откровенно ржет, трясая студенистым брюхом, но внезапно осекается и застывает в неподвижной позе. Где-то слева отчетливо слышится скрип деревянных ступеней. С огромным трудом парализованному страхом Лехе удается повернуть голову и увидеть неспешно поднимающегося на эшафот угрюмого, погруженного в свои мысли высокого и невероятно худого человека в длинной серой накидке с капюшоном. В руках у него свиток. По тому, как смолкли голоса и над только что гудевшей потревоженным ульем огромной площадью вдруг повисает зловещая тишина, Леха понимает, что сейчас ему зачитают смертный приговор!

Ощущение сна, фантазмагоричной ирреальности происходящего быстро исчезает. Страх, липкий и холодный, сковывает Лехину волю без остатка. Все отчетливее становятся звуки, все осязаемее царапающие кожу шершавые доски эшафота под коленями и облизывающие взмокшее лицо слабые порывы ветра. Он вдруг остро начинает чувствовать, как немеет слишком сильно стянутая грубой колодкой правая рука, как начинает мелко-мелко покалывать кончики пальцев. Леха находит в себе силы отвернуться от человека в сером плаще, косится на руки, краем глаза машинально отмечая сделанную еще на зоне татуировку на предплечье, изо всех сил пытается пошевелить пальцами, но, лишенные притока крови, они, скрюченные, как крабья клешня, лишь слегка дергаются.

Тем временем человек в сером разворачивает свиток, как бы невзначай поворачивается вполборота к приговоренному, и Леха конвульсивно вздрагивает, пытается отшатнуться, видя перед собой вместо человеческого лица лишь желтые кости черепа с кривыми редкими зубами и темными провалами носа и глазниц. А еще – сжимающие бумагу тонкие костяшки пальцев вместо рук.

«Харон! – вдруг молнией проносится в воспаленном мозгу Лехи. – Паромщик, перевозящий души умерших через Стикс! Через реку мертвых. Я что... уже умер?!»

Видимо, сполна удовлетворившись произведенным на вздрогнувшего узника эффектом, скелет с достоинством отворачивается и, обращаясь к замороженно притихшей толпе зевак, собравшихся на площади средневекового города, начинает торжественно зачитывать приговор. Голос его, тихий, глубокий, почти металлический, льющийся, словно из преисподней, откуда-то из складок серого плаща, пробирает Леху до самых костей, заставляет нервы сжиматься в клубок, а тело мелко дрожать. Языка, на котором говорит мрачный паромщик, Леха не знает, но ему отчего-то понятно каждое произнесенное Хароном слово. Он, парализованный морально и физически, ясно понимает суть предъявленных ему обвинений. Его приговаривают к четвертованию – поочередному отрубанию рук, ног и затем головы – за жестокое убийство семерых стражников короля, справедливо уничтоживших за непослушание монарху всю его семью. А дабы остальному люду впредь неповадно было поднимать руку на солдат его величества, специальным указом монарха предписано после отсечения головы преступника посадить ее на высокий деревянный кол и выставить на всеобщее обозрение у главных ворот города в качестве назидания особо ретивой черни, таящей в душе недовольство правлением своего повелителя.

В горле Лехи все пересохло. Язык прилип к небу. Он пытается сглотнуть несуществующую слюну, но тщетно. Харон тем временем заканчивает оглашение приговора, прячет свиток под плащом, молча поворачивается к пузатому палачу и склоняет голову, тем самым давая команду к началу казни.

По площади проносится сдавленный многоголосый ропот, кто-то жалобно всхлипывает, а где-то вдали вдруг начинает надрывно, закатываясь до хрипа, плакать грудной ребенок...

На висящее в бездонном голубом небе холодное солнце медленно наползает большая черная туча, накрывая площадь саваном тени. Ветер усиливается. Противно каркает, кося на Леху лиловым глазом, устроившийся на перилах эшафота большой черный ворон...

Карлик-горбун деловито плюет на руки, не спеша перехватывает отполированное до блеска деревянное топориче и, расправив плечи и примерившись, с порывистым вдохом рывком выбрасывает свое оружие вверх. Толпа дружно охает.

– Твари! Козлы вонючие! Никого я не валил, ясно?! – неожиданно к Лехе возвращается дар речи, и он кричит, срывая голос, что есть сил. – Какие стражники, какой король?! Что это ваще за город?! Эй, опусти топор, ты, бля, сука ряженная! Порву, клоун сраный, от ноздрей до яиц!!!

Костлявая и тяжелая, как пресс, лапа адского паромщика Харона сильно, с хрустом притискивает Лехину голову к плахе. Короткий свист рассекающего воздух орудия казни, и боль, острая сумасшедшая боль вдруг вспыхивает на том месте, где только что была правая Лехина рука. Слышен глухой звук падения отрубленной кисти в специально подставленную плетеную корзину с соломой.

– А-а-а-а!!! – лязгнувшие в судороге Лехины челюсти до крови прокусывают нижнюю губу. В голове словно вспыхивает молния. В лицо летят теплые липкие брызги, на языке ощущается невероятно реальный солоноватый привкус крови.

Последнее, что успевает заметить боковым зрением окаменевший от ужаса Леха, это еще раз сверкнувшее стальным бликом, острое как бритва лезвие топора-полумесяца...

Он проснулся, вскочил, машинально выкинув вперед только что изуродованную палачом культю, и безумным немигающим взглядом уставился на свои мелко подрагивавшие пальцы, на знакомую татуировку в виде головы оскалившегося тигра, на массивный золотой перстень-печатку, украшавший безымянный палец. Рука, на которой отпечатался похожий на багровую паутину след от смятой простыни, была цела. Только чужие, все еще непослушные пальцы почти не шевелились. Отлежал. Просто отлежал, как случилось и прежде много раз...

Господи, что же это такое?! Значит... это был всего лишь сон. Самый ужасный и самый реальный из всех, которые когда-либо рисовало его находящееся в состоянии постоянного стресса серое вещество. Харон... Паромщик с реки Стикс... Вот же, блин, приснится такая херня!

Леха судорожно вдохнул воздух, медленно провел левой рукой по взмокшему от холодного пота лицу и стиснул зубы, силясь унять колотивший все тело озноб. Сердце, словно очнувшись вместе с подсознанием от удушливого ночного кошмара, мало-помалу стало снижать частоту ударов, возвращаясь к своему нормальному ритму. Леха еще раз глубоко вдохнул и, тихо выругавшись, принялся активно растирать затекшую правую руку. Пальцы до сих пор покалывало, но в украшенном синим тигром предплечье уже появилось ощущение тепла. Кажется, порядок.

Обретшие чувствительность пальцы непроизвольно сложились в неизвестно кому адресованный кукиш. Болт вам с винтом, кретины, а не плаха!

– Куда ночь, туда сон, куда ночь... туда сон, – автоматически прошептал Леха заученную еще в детстве по настоянию суеверной бабки фразу-оберег, якобы защищающую спящего человека от злых духов.

А-а, дерьмо это все! Просто вчера слишком много пришлось нервничать, особенно на стремной стрелке с Сутулым и его пробитками, куда Лехина бригада явилась в полном боевом снаряжении. Даже гранатомет «муху» прихватили. Обошлось, впрочем, без мочилова...

Рядом на постели кто-то едва заметно пошевелился, и Леха, все еще находившийся под впечатлением кошмара, рывком обернулся, готовый с ходу нанести сокрушительный удар в табло маячившему перед глазами пузатому карлику. Но тут же расслабился и даже, покачав головой, снисходительно ухмыльнулся своей забывчивости.

Блаженно улыбаясь во сне, разметав по шелковой подушке водопад пепельных волос, рядом лежала едва прикрытая краешком сползшего на пол одеяла загорелая, как мулатка, невероятно сексуальная женщина – танцовщица-проститутка Ляля из ночного клуба «Луна», которую он, изрядно поддатый, уже далеко за полночь притащил к себе домой, снова сев пьяным за руль джипера. Вот бляха, с этими глюками совсем из головы вылетело...

Не в силах отказать себе в уже щедро оплаченном удовольствии, Леха медленно провел ладонью по упругому и гладкому, как у девочки, телу. Мало кому из баб удается так классно выглядеть в двадцать девять лет, да еще при столь специфической работе. А ей удается, да так, что во время ее выступления возле хромированного шеста у мужиков – посетителей «Луны» стоит выше стола и дымится.

А ведь славно они вчера оттянулись, есть что вспомнить! Впрочем, как всегда... Ляля, или просто Ленка, была настоящей профессионалкой и знала себе цену. От двухсот до пятисот баксов за ночь. В зависимости от платежеспособности и похотливого блеска в глазах клиента варьировалась и такса. В раскрутке мужиков Лялька была вне конкуренции. Некоторых ее постоянных клиентов Леха знал лично. Прибашленный коммерсант, хозяин крупного издательского дома «Волна», братан из ростовской группировки, чиновник из Смольного, банкующий городской недвижимостью, и даже высокопоставленный мент, один из заместителей начальника ГУВД. Его давно купил, еще в бытность мента простым капитаном, один бывший налетчик, а ныне хозяин казино «Полярная звезда» Леня Флоренский. Поговаривали, что дела у игорного магната последнее время шли стремно. Какие-то непонятки с ворами из-за криминального авторитета Крестового Бати, погибшего в казино при взрыве, устроенном залетными беспредельщиками. Впрочем, плевать, то чужие головняки, к нему, Лехе Реаниматору, не последнему человеку в группировке Саши Мальцева, они не имели никакого отношения. Каждый за себя, и все против всех. Если союзы между братвой заключаются, то лишь на время и почти наверняка – против кого-то конкретного. И достаточно одной замешанной на деньгах непонятки, чтобы недавние союзники перегрызли друг другу горло...

Леха снова плотоядно оглядел спящую Лялю, заострив внимание на крепеньких темных сосках, мягком плавном изгибе осиной талии и гладко выбритом месте, где сходились длинные стройные ножки. Внимательно прислушался к ощущениям своего едва отошедшего от жуткого сновидения сильного молодого организма и даже поглядел вниз, визуальное оценивая реакцию друга на посланный ему гормональный импульс. Слабовато, приятель. Можно, конечно, было разбудить Ляльку и искусственно накачать желание, но охотки особой сейчас совсем не наблюдалось. Надо бы подлечить нервишки, вконец расшатались.

Часы на стене спальни показывали половину седьмого утра. Уснуть уже вряд ли удастся. А Лобастый подъедет только к девяти.

Реаниматор встал с кровати, натянул валявшиеся на ковре трусы, прошлепал в ванную, пустил холодную воду и сунул под тугую струю свою коротко стриженную голову. Потом вытер ее полотенцем, поскреб трехдневную щетину, с которой никогда не расставался, регулируя длину при помощи насадки на электробритву, и, приблизив лицо к зеркалу, внимательно рассмотрел свое отражение.

Глаза в красной паутине капилляров, рожа помятая, на висках выступила ранняя седина. И это в неполных тридцать пять лет!

Нет, что ни говори, а работа в братве по своей вредности и травматизму, как физическому, так и морально-психологическому, заметно опережает многие другие профессии, связанные с риском для жизни и предельными перегрузками. За исключением разве что до сих пор не вымерших с голодухи, как мамонты, и превратившихся в реликт честных ментов да еще космонавтов. Те, в натуре, пашут на износ. Да и то... Уже умудрились, барыги, превратить военно-космическую группировку России в филиал туристического агентства. А ведь не сделай его судьба нечаянный вираж много лет назад, когда он, на последнем курсе мединститута, по дурацости загремел в тюрьму, был бы он сейчас не Реаниматором, а врачом-реаниматором. Тоже, понятное дело, не шибко спокойная работенка, но разве сравнишь с теперешней?..

Умывшись, приняв душ и почистив зубы, Леха вернулся в спальню, опять взглянул на часы, стащил с Ляльки, перевернувшейся во сне на живот, край одеяла и без лишних сантиментов звонко хлопнул ладонью по бронзовой заднице, уже не кажущейся такой аппетитной, как вчера.

– Ай, больно же, дурак! – совсем не сонным голосом взвизгнула стриптизерша и, резко перекатившись на спину, схватила подушку и запустила ею в Реаниматора. Леха без труда поймал подушку, небрежно кинул ее на кровать и спросил хмуро:

– И давно ты не спишь, дарлинг?

– Давно. С тех пор, как ты разбудил меня своими тарзаньими криками, солнышко. Когда гладить начал, думала, нападать станешь, как на таблетку успокоительного, а ты, бедняжка, предпочел здоровому сексу банальный холодный душ. Стареешь, Лешенька. Может, расскажешь по секрету, что это за кошмарик тебе такой привиделся, после которого тебя как серпом по рейтингу?

– Вставай. И не разевай рот без надобности. Средства производства нужно беречь. Кстати, по телику твоя любимая «Абэвэгэдэйка» идет... И вообще, мне пора сваливать на работу. Пожрать хочешь? У меня на кухне – как в супермаркете.

– Знаю я вашу работу, господи гангстеры. Нет, есть не буду. Только крепкий кофе и сигарету. У меня по плану сегодня разгрузочный день. С этими дурацкими кабаками я за неделю набрала лишних триста граммов, – совершенно серьезно пожаловалась Ляля. Легким движением рук танцовщица поправила шелковистые, с оставшимися после выступления блестками волосы и по-кошачьи сладко потянулась, выставляя маленькую крепкую грудь. Представ перед Реаниматором во всей своей прелести, призывно склонила голову набок, хитро прищурилась и промурлыкала нечто явно недвусмысленное, облизнув губы кончиком языка.

– Я сказал: подъем. Где ванна, знаешь. Баксы на зеркале, в прихожей. А я пошел жрать. У тебя ровно пятнадцать минут.

Леха развернулся и двинулся по коридору на кухню. Не успел он заварить кофе и справиться с первым бутербродом, как со стороны двора-колодца, куда выходило окно кухни, трижды подряд призывно прозвучал автомобильный гудок. Это был джип «БМВ» Лобастого, последний писк моды и новая «рабочая» тачка их спецбригады. Братва приехала почти на час раньше договоренного срока, а это значит, что требуется срочное вмешательство.

Чертыхнувшись, Реаниматор затолкал в рот кусок холодной буженины с горчицей, отодвинул от себя чашку с дымящимся капучино и, жуя, направился в ванную, откуда сквозь шум душа слышалось безмятежное мурлыканье наслаждавшейся теплыми ласкающими струйками воды Ляли. Придется соске сваливать, натянув шмотки на мокрое тело.

– Братва приехала! Вылезай в темпе! – рявкнул Леха, ввалившись в просторную ванную комнату и приоткрыв полупрозрачную дверь душевой кабинки.

– Ой, мамочка... Ну ладно, пупсик, я мигом, – недовольно отозвалась стриптизерша. Быстро чмокнув Реаниматора в щеку, выключила душ и прошлепала мокрыми ногами по бирюзовому кафелю, тут же прекратив напевать некогда популярный мотивчик про парня Леху, без которого, если верить тексту, очень страдала и охала по ночам приехавшая покорять столицу сибирская певичка. А с кем охала-то? Ясный перец, не с фотографией бравого солдата. Эт-то вряд ли. Знаем мы такие девичьи страдания...

Засовывая извлеченный из тайника в мусорном ведре пистолет за ремень джинсов, Леха вдруг вспомнил, как прошлым летом был с братвой по делам в одном из ночных клубов Москвы и случайно нарвался на проводимый в ту ночь эротический конкурс «Мисс Мокрая Майка».

Зрелище оказалось занимательным, но не в том прикол. Пацаны после базарили, что по окончании шоу счастливую, заработавшую приз в виде путевки на Кипр победительницу, наплевав на клубную охрану, навестили в гримерке некие горячие джигиты с цветами и шампанским. Хорошо поздравили девочку, от души. Горцев было пять человек.

Глава 2

Удачный повод выяснить, причастен ли шеф Новгородского Быка Саша Мальцев к тройному убийству и угону грузовиков с контрабандой или дерзкий налет все-таки осуществлен по инициативе самого фиксатого отморозка, представился Тихому очень скоро. Буквально на следующий день после просмотра телепорнухи с Масюлевич в главной роли ему позвонил один из лидеров гатчинской группировки, Пузырь, и неожиданно пригласил на свадьбу. Приглашение, да еще такое «горячее», за несколько часов до начала церемонии, оказалось для Тихого полной неожиданностью. Тем более что с бывшим валютчиком и фарцовщиком Пузырем его никогда не связывали не то что приятельские – слишком уж велика была разница в возрасте и масти, – но даже деловые отношения. Пару раз встречались мельком, заочно знали друг друга в лицо, обменивались кивками. Однажды, столкнувшись нос к носу в ресторане «Прибалтийской», обменялись рукопожатием. И вдруг такое радушное приглашение. К чему бы это? В случайности, тем более подобного рода, Тихий давно не верил.

– А кто еще из уважаемых людей будет, Боренька? – выслушав Пузыря, вежливо поинтересовался Тихий.

– Все будут, Олег Степаныч. Договаривались сугубо в мужской компании, – подтвердил предположения криминального патриарха гатчинский новобраный. Значит, понял Тихий, удачно подвернувшуюся свадьбу авторитетного братилы решено было совместить с давно зреющим сходняком главарей питерских группировок. И Шурик Мальцев там будет наверняка... Что ж, раз его, старейшего из паханов, до сих пор не отошедшего от дел, соизволили пригласить, это может означать одно из двух: либо подтверждение незыблемости позиций Тихого в городской иерархии и знак признания его прошлых заслуг, либо... предварительная договоренность о разделе его наследства между волками помоложе уже состоялась, и почтенного седобородого дедушку мягко и ненавязчиво попросят добровольно уйти «на пенсию», причем попросят публично, обойдутся без радикальных мер и дополнительных затрат вроде снайперского выстрела и последующего приручения оставшейся без папы гвардии. Дескать, живи, отец, с миром, тихо и безмятежно, трать заработанные чужим потом и кровью миллионы, а хлопоты тяжкие на благодатной ниве оставь молодым и сильным.

Если дело обстояло именно так, то сразу становился понятным двойной смысл мочилки под Старым Изборском и угона в сторону Москвы фур с контрабандными спиртовыми заводами. Хрен с ними, с деньгами. Хотя кусок эти твари оторвали жирный – больше четырех «лимонов». Это было не что иное, как заочное предупреждение ветерану. Дескать, слаб ты стал для таких гамбитов, Тихий. Истекло твое время. А если дедушка не уйдет добром на своих двоих, то очень скоро его, непонятливого, торжественно и солидно, с подобающими заслуженному человеку почестями, вынесут на руках под звуки шопеновского марша.

Под ребрами Тихого пробежал ледяной холод, плотно сжатые губы старика мелко задрожали.

Отказываться от такого приглашения ни в коем случае нельзя. Даже если ты серьезно болен и лежишь в постели с температурой под сорок, все равно должен отметиться. Поэтому Степаныч как можно естественнее разыграл сдержанное удивление, поблагодарил Пузыря за приглашение на свадьбу и пообещал бывшему валютчику в назначенное время прибыть к популярному у братвы Троицкому храму. Именно в нем должна была пройти церемония венчания гатчинского авторитета и его суженой.

Краем уха Тихий слышал, что один из священников, ранее служивший в этом храме – кажется, отец Павел, – сейчас окормляет паству на острове Каменном, в затерянной среди вологодских лесов и закрытой для доступа родственников тюрьме для пожизненно осужденных, тюрьме особого назначения. Отпускает, значит, грехи тяжкие раскаявшимся серийным убий-

цам типа Чикатило, религиозным душегубам вроде главаря секты сатанистов Каллистрата и маньякам-педофилам, таким, как Стахов. Неужели подобная гниль рода человеческого, брезгливо думал Тихий, вообще способна раскаяться?!

Самого себя, перепачканного кровью с головы до ног, лишавшего жизни собственными руками и бестрепетно отдававшего челяди приказы на ликвидацию конкурентов, Тихий к такому не причислял даже в редкие моменты душевного самокопания. Он не нелюдь, он лидер, благородный волк, а не бешеная собака. А хищник по определению должен уничтожать овец, таково его предназначение, для этого его произвела на свет матушка-природа, и для этого он существует. Так было миллионы лет, так будет всегда...

Положив трубку, старик немедленно набрал номер шефа своих громил Пал Палыча. Ему не терпелось узнать результаты допроса вероломно продавшей его Фиксе бухгалтерши Масюлевич.

– Слушаю, – после первого же гудка хриплым простуженным голосом отозвался бывший опер. Отсидев в «красной» нижнетагильской зоне троечку за рукоприкладство с тяжкими последствиями, Клычков, он же Бульдог, давно состоявший на довольствии у Тихого, без сожаления расплевался с убойным отделом Всеволожского ОВД и успешно влился в число подручных бывшего особо опасного рецидивиста Белова, в короткий срок завоевав его доверие и возглавив группу боевиков.

– Пашенька, чем порадуешь? – непринужденно, словно речь шла о пустяковом деле, спросил патриарх.

– Сама, тварь, все выложила, как только поняла, что влипла, – в тон Тихому сообщил Бульдог. – Этот чмо, Бык, разыграв Ромео, обещал ей после успешного кидка бросить братву, смастырить обоим светлые греческие документы и умотать на солнечный Крит. Вроде как у него там даже дом имеется. Надоела, мол, такая стремная бандитская работенка, «капусты» хватает, пора и пожить в свое удовольствие – завести небольшой бизнес, вроде заправки с кафе, и до старости греть задницу на пляже...

– И эта облезлая овца купилась на такую голимую лажу?! – протяжно охнул Степаныч, закатив глаза. – Чтоб я еще имел дела с бабами... Что дальше? Про Мальцева выяснил? Его идея перехватить товар?! – Этот вопрос интересовал Тихого больше всего. Одно дело – инициатива чересчур самостоятельного оборзевшего отморозка, и совсем другое – если тот действовал по указанию своего шефа. Это уже прямой плевок в лицо. Это начало войны.

– Толком так и не выяснил. Натаха говорила, были у нее кое-какие подозрения, что не от себя Бык банкует, но вы сами знаете, шеф, похотливая баба мозгам не хозяйка, – сказал умудренный жизненным опытом Пал Палыч.

– Жаль. Значит, придется начать дознание с Фиксы, отработать пидора по полной программе прямо завтра и посмотреть, как отреагирует Мальцев. – Тихий замолчал, ожидая, когда Бульдог сам перейдет к рассказу об участии приговоренной нимфоманки.

– Мы все сделали так, как вы хотели, Степаныч, – поняв, чего от него ждет старик, тихо проговорил бывший мент. – Кроме посадки на болт. Пацаны сказали, у них на такую мымру даже с домкратом не встанет! – зло хмыкнул Бульдог. – Короче, сначала обнадежили, типа отдавай копые и сваливай на все четыре стороны, выгребли лавы подчистую, свозили к нотариусу, взяли дарственную на квартиру и тачку и потом уж... безо всякого ужастика накиннули струну на шею, свезли на Южное, положили в свежую могилку и землей присыпали. Сегодня, ближе к обеду, сверху жмура в ящике положат, так что ништяк. Баба она одинокая, никто искать не станет. Потом по-тихому подбросим соседям мулю, вроде как все продала и на юга укатила.

– Спасибо, Паша, что бы я без тебя делал, – с преувеличенной благодарностью в голосе произнес Тихий. – Только ты не расслабляйся, дел на сегодня выше крыши. Короче, ребят не

отпускай. Пузырь пригласил меня на свадьбу, в Троицкий собор. Женится, значит, студень с ушами. Венчание в три часа, сегодня... Соберутся все солидные, без жен.

– Сходка? – быстро сообразил Пал Палыч. – Где?

– Вне всяких сомнений. Места не знаю, но это не проблема. Туда после венчания такой кортеж двинет, что ментам впору движение перекрывать... Я хочу, чтобы ты и несколько самых крепких мальчигов находились рядом.

– Понял, Степаныч, – заверил шеф личной охраны. – Есть серьезные опасения? – в голосе Бульдога слышалось напряжение.

– Я почти уверен: самое худшее, что может произойти, так это визит псов из ОМОНа. Полюбили они, суки, в последнее время такого рода мероприятия, где можно и душу отвести, и кулаками помахать, и людям настроение испортить. А до кучи изъять несколько стволов, наркоту, накрыть пару быков, что в розыске, и нарубить «палок» для отчета начальству. Если мусора нагрнут, ничего не предпринимайте. Вызови Перельмана. За мной чистяк, через три часа отпустят. Но если я дам сигнал на наш персональный пейджер... значит, лажа. Прорывайтесь. Буду жив – вытаскивайте. А нет – боезапас у вас солидный, разберетесь на месте, кто прав, кто виноват. Не мне тебя учить, Паша.

– Не волнуйтесь, Олег Степанович. Может, дополнительную охрану прислать?

– Этой-то многовато будет, – вздохнул старик. – Обойдусь Виталиком. Куда в храм божий целой ордой переться. И без того люда разного набьется, не продыхнуть... От парфюма модного опять глаза резать начнет, как в «Пассаже». В общем, ты все понял, дорогой.

– Я и ребята будем рядом, на двух машинах. Возьму шесть человек – группу Дольфа, при полном арсенале и в броне. – Последнее уточнение бывший опер сделал, видимо, уже для себя, озвучивая личные соображения насчет диспозиции и расклада сил.

– Вот и ладушки. Ну, не буду больше отвлекать, Паша.

Тихий нахмурил брови и задумался. Подошел к столу, открыл деревянную коробочку, набил ванильным табаком дорожную, ручной работы аргентинскую трубку, закурил, пуская к потолку клубы густого и ароматного серого дыма, и принялся вышагивать по кабинету.

Интуиция подсказывала патриарху, что сегодняшний день не только круто изменит всю его нынешнюю жизнь, но и самым непосредственным образом отразится на раскладе сил в криминальном мире Санкт-Петербурга. Будут ли перемены связаны с предъявленным ему ультиматумом? Возможно. А возможно, и нет. Тихий даже еще не определился окончательно, выйдет ли он, признав горькое поражение, из игры, если подозрения о заговоре подтвердятся. Или в нем разыграет униженная гордость зоновского пахана, и он, как окруженный стаей шакалов седой раненый волк, оскалив клыки, начнет неравный бой не на жизнь, а на смерть.

Старик верил своим предчувствиям. Для некоторых авторитетных гостей Пузыря, сразу или чуть позже, но сегодняшнее венчание и последующий сходняк непременно обернутся тем, что шахматисты называют матом.

Откуда возникло такое острое предчувствие, на чем оно основывалось, Тихий не смог бы точно ответить даже самому себе. Наверное, это просто витало в воздухе, как запах адреналина на соревнованиях по боксу. И его, Тихого, утонченные нервы, его отшлифованная долгими годами выживания в неволе способность видеть на шаг вперед буквально вопили в голос: сегодня на свадьбе Пузыря не будет тихого пиршества облаченных в дорогие костюмы сытых невских крокодилов, с лицемерным дружелюбием взирающих друг на друга.

Сегодня будет день большой раздачи.

Прекратив мерить шагами комнату, Тихий вновь подошел к телефону и набрал номер коттеджа, трехэтажного дома из светлого кирпича, с огромным балконом и открытым бассейном с подогревом, стоявшего на берегу одного из небольших живописных озер в северной части Питера. Район так и назывался – Озерки. Там, под круглосуточной вооруженной охраной из двух человек, жили жена и дочь старика. Сам Тихий, так уж повелось, появлялся и ночевал

в семейном гнезде не чаще трех раз в неделю, гораздо больше времени проводя в уединении, в огромной городской квартире, расположенной в историческом центре Питера. Когда-то она принадлежала семье одного из сосланных декабристов. По крайней мере в этом клятвенно заверял Степаныча маклер, некогда продавший ему эту ужасную, ничем не напоминавшую нынешние роскошные апартаменты, расселенную коммуналку с тараканами.

К телефону, как обычно, подошел охранник. На сей раз это был Антон.

– Как дела? – откашлявшись, осведомился хозяин, вытаскивая изо рта мундштук и прикрывая гнездо трубки давно пожелтевшим от подобного рода действий большим пальцем. От чертового ванильного привкуса уже сушило горло. Но другой табачок пристрастившийся к крепкой «Амброзии» Тихий не признавал.

– Да не так чтобы совсем хорошо... – промямлил охранник, явно «поплыв» голосом. Тихий сразу понял, что его супруга – блиставшая некогда на лучших мировых сценах прима-балерина Мариинки Анастасия Витковская – снова впала в жуткую депрессию и, как это случилось в последнее время все чаще и чаще, надралась в хлам, неизвестно где раздобыв спиртное. Наверное, несмотря на строжайшие запреты Тихого, принес кто-то из сочувствующей «несчастной женщине» услуги или даже охранник. Поди уследи за каждым. Сволочи! Не увольнять же всех разом к чертовой матери? Столько лет отработали. Да и что это даст? Завтра, через неделю, месяц, но все вернется на круги своя. Нет, хватит, пора что-то делать. Радикально. Жестко.

– Где она? – сухо спросил старик.

– Как обычно, закрылась в каминном зале, включила на полную катушку какую-то заунывную какофонию, кажется, своего любимого Шнитке и периодически плачет. Ругается, матерится...

– Что говорит? – вздохнул Тихий, прекрасно зная, что сейчас услышит.

– Ругается на вас, – угрюмо, с явной неохотой доложил охранник и, помявшись, добавил: – Что-то про загубленную жизнь, молодость и золотую клетку. А еще про Алену. Все вспоминает тот самый случай, когда вы... случайно... испугали дочку и она перестала говорить.

Тихий крепко, до скрежета сжал зубы. Вот, опять старая песня. Опять!

В том, что его красавица-дочурка за последние тринадцать лет из своих шестнадцати не произнесла ни слова, действительно был виновен только он. И все эти годы казнил себя за это, хотя полчища врачей, в России и за рубежом, светила, мать их так, которым он показывал Алену, посчитали происшедшее несчастным случаем и по сей день продолжали тянуть одну и ту же песню: у начавшего уже нормально говорить ребенка речь пропала в результате сильного шока, и только антишок – другое необычное происшествие, которое потрясет нервную систему девочки и сумеет разблокировать отвечающий за речь участок головного мозга, – способен вернуть ей счастье общения при помощи речи.

...Тогда, в новогоднюю ночь, преисполненный самых нежных отцовских чувств, слегка выпивший в «Астории» после удачного налета его парней на сберкассу Тихий переоделся в приготовленный загодя костюм Деда Мороза, пошел в детскую и разбудил уснувшую в обнимку с плюшевым медвежонком Аленку, чтобы поздравить и подарить долгожданный подарок – специально заказанную фарцовщикам и доставленную самолетом из Праги большую говорящую куклу.

Открыв глазки и увидев перед собой в тусклом свете ночника лохматого белобородого незнакомца в атласной красной шубе, с огромным багровым носом, с палкой-посохом и мешком на плече, девчужка дико закричала, забилась в истерике. На миг окаменевший Тихий побросал поклажу, судорожно, матерясь, сорвал с себя весь этот безобидный маскарад, взял ребенка на руки, и Аленка мало-помалу успокоилась. Но вслед за этим у нее обнаружился паралич речевого центра.

Это был первый и единственный раз в жизни Тихого, когда, узнав на следующий день от спешно вызванных и щедро оплаченных горкомовских «партийных» врачей страшный диагноз, он всерьез подумал о самоубийстве. Трехлетняя Аленка была для разменявшего уже шестой десяток бывшего рецидивиста дороже всего золота мира. Только в ней, милой, беззащитной золотоволосой девчужке, Тихий видел смысл своего дальнейшего существования, с появлением дочки он словно преобразился. Ни разу в жизни Алена не слышала, чтобы в ее присутствии отец повышал голос, «ботал по фене» или, не дай бог, нецензурно выражался. С годами она, конечно, стала догадываться, чем папа зарабатывает на безбедную жизнь их семьи, ведущей почти затворнический образ жизни. Шила в мешке не утаишь.

Сейчас, за два года до совершеннолетия, Алена уже знала, какой статус в криминальном мире Питера имеет ее престарелый заботливый папочка. Знала и его «подпольную кличку» – Тихий.

Дочь ни разу не упрекнула его за ту глупую шутку с Дедом Морозом. Наоборот, она искренне жалела старика, понимая, какой тяжкий груз вины нес он все эти годы, как сильно страдал и страдает по сей день.

Чего Тихий только не делал, чтобы вернуть Аленке способность разговаривать! Гипноз, экстрасенсы и даже колдуны. Все тщетно. Алена, высокая, стройная, по характеру – мягкая домашняя девушка, ни разу в жизни не выезжавшая в город без сопровождения телохранителя и никогда не имевшая подруг, к своим шестнадцати годам превратилась в настоящую красавицу, самую обворожительную из всех, что приходилось встречать Тихому. Она сумела заочно окончить не только среднюю школу, но и первый курс филологического факультета МГУ, чисто зрительно и на слух выучить английский и итальянский языки. Но при этом продолжала оставаться немой. И это было самой большой трагедией в жизни престарелого авторитета...

– Значит, так, – проведя ладонью по лицу, словно смахивая неприятные воспоминания, жестко приказал Тихий. – Ты и напарник должны сделать все в точности, как я сказал. Взломаете дверь в каминный зал, скрутите Настасье руки...

– Олег Степанович, она же...

– Молчать! Будет сопротивляться, а как ты думал?! Разрешаю применить силу, но, разумеется, в разумных пределах. Свяжете ей руки и ноги. Наручники у вас есть, прикуете к батарее и будете ждать нарколога. Я сейчас позвоню и договорюсь, чтобы ей поставили капельницу с «торпедой»... Говорят, на год хватает, да и нейтрализовать в случае чего можно таким же образом. В следующий раз захочет выпить – так вывернет и скрутит, что всякое желание пропадет!

– Сделаем, Олег Степанович, только... чуть позже. Я сейчас дома один, Тимур с Аленой в город поехали. По магазинам и... вообще. В «Ленэкспо» вроде как туристическая выставка проходит. Вы ведь знаете, Алена давно хотела побывать на Тибете, в буддийских монастырях. Говорила, вы обещали ей купить тур ко дню рождения. А до двенадцатого июля осталось всего две недели, – напомнил Тихому охранник.

– Ты что мне замечания делаешь, щенок?! Я что, по-твоему, не помню о дне рождения дочери?! – зло огрызнулся Тихий, и охранник подавленно заткнулся, Степаныч взглянул на часы. До свадьбы Пузыря оставалось не так много времени. А еще нужно заехать за подарком и позвонить в элитную наркологическую клинику, эскулапы которой, сплошь бывшие «партийные» лепилы, хоть и драли безбожно, но умели хранить тайны своих пациентов. Короче, пора было собираться.

– Договорюсь с наркологом на пять вечера. К этому времени жена должна быть готова к визиту врача, – отдал последние распоряжения Тихий. – И... поаккуратней там.

– Слушаюсь, Олег Степанович. Я сейчас же отзову Тимур на мобильный, чтобы к шестнадцати часам они с Аленой обязательно вернулись.

– погоди, – помолчав секунду-другую, чуть слышно буркнул авторитет. – погоди, Антон. Вот что. Я не хочу, чтобы Алена видела, как вы связываете пьяную мать. Настасья ведь сопротивляться станет... Ты меня понимаешь?

– Боюсь, босс, что один не справлюсь. Если, конечно, все делать мягко, – поспешил добавить охранник. – Может, Анастасия Эдуардовна к тому времени... успокоится и уснет?

– Вряд ли, – покачал головой Тихий. – К тому же «торпеду» ей в любом случае нужно вгонять. Давай сделаем так: пусть Алена и Тимур ничего не знают, а Пал Палыч в темпе пришлет к тебе одного из своих ребят. Чем быстрее вы с Настасьей закончите, тем лучше. Короче, я сейчас дам указания. Думаю, в течение часа и лепила, и помощник твой приедут. Так-то оно лучше будет...

– Как скажете, хозяин, – бесцветно согласился Антон. – Ваше слово – закон.

Тихий, не прощаясь, отключил связь, набрал номер мобильного Бульдога, ввел того в курс дела, а потом устало опустил трубку радиотелефона на базу и медленно, обессиленно выдвинул тяжелый верхний ящик антикварного дубового стола. Там, среди всяких мелочей, бумаг и нескольких тугих пачек каких-то красных купюр, кажется, доставшихся по случаю австралийских баксов, валялась мягкая оранжевая упаковка крохотных таблеток-транквилизаторов, уже на две трети пустая. Два-три часа легкой, не затмевающей рассудок нирваны – это именно то, что было сейчас необходимо патриарху для снятия стресса. Всего одна таблетка – и станет легче...

К назначенному времени заметно отдохнувший Тихий, в строгом черном костюме, в сопровождении телохранителя Виталия подъехал на серебристом «Ягуаре» к забитой дорогами иномарками площадке перед Троицким храмом.

Глядя через тонированное пуленепробиваемое стекло на бритые раскормленные рожи братков, толпившихся вокруг дорогих тачек и кучковавшихся у входа в храм, Тихий принял окончательное решение: если на сходняке его попробуют убрать из игры, он покажет хозяевам этих бройлерных бакланов, что значат отчаянная ярость и опыт против тупой превосходящей силы. И тогда Питер снова умоется кровью...

Глава 3

Новгородский Бык и Наталия Георгиевна должны были созвониться в десять утра, чтобы договориться о тайной встрече в номере гостиницы «Санкт-Петербург» ближе к вечеру. Влюбленная старая дура, с потрохами купившаяся на обещания бандита увезти ее к теплому морю, как только соберется достаточная для безбедной жизни сумма – пять миллионов долларов, – обещала, если выгорит, к сегодняшнему дню выведать и передать фиксатому последнюю и самую важную информацию о капиталах своего хозяина. А именно – номер одного из кодированных счетов Степаныча в Гибралтаре и сложный пароль доступа, с которым любой дурак мог забрать из банка деньги старого пердуна.

После того как похотливая мыбра выполнит обещанное и станет ему больше не нужна, Бык пригласит Наталию на загородный пикничок с шашлыками и порнушкой, где она, жаба, и найдет свое вечное упокоение среди воспетых в песнях русских березок...

Но телефон бухгалтерши Тихого молчал. А мобильник отзывался набившей оскомину фразой: «Абонент временно недоступен». Такого еще никогда не случалось, и Бык, ставший после удачной операции по захвату контрабандных спиртовых заводов и продаже их корешам из Новгорода нервным, подозрительным и осторожным, сразу почувствовал неладное.

Два часа телефонного дозвона не принесли ровным счетом никаких результатов, и фиксатый, следуя мудрой поговорке: кто предупрежден, тот вооружен, – решил выставить скрытое наблюдение у ресторана «Калькутта», где располагался один из офисов Тихого и где официально работала Масюлевич, а также у ее квартиры на Каменноостровском проспекте. Скинув все текущие дела на пацанов, бригадир отправил к ресторану двух совсем недавно принятых в братву молодых пехотинцев, дав подробное словесное описание женщины, а на квартиру поехал сам, прихватив в качестве напарника готового на все ради ширки бывшего бандита, а ныне конченого наркомана Иглу с его неприметными раздолбанными «Жигулями».

Припарковав колымагу в дальнем углу двора, за мусорными баками и кустами сирени, Бык строго посмотрел на тощего, со впалыми щеками и пергаментной кожей подельника и протянул ему ключи от квартиры любовницы – дубликаты, которые он на всякий случай изготовил со слепков, тайно снятых во время одного из первых свиданий с Наталией:

– Сделаешь все, как я скажу, Славик, считай, на месяц герычем обеспечен.

– Че брать-то нужно? – решив, что бригадир подбивает его на элементарную квартирную кражу, прогнусавил трясущийся от ломки наркоман.

– Ничего. Просто зайти в квартиру, оглядись – как и что. Нет ли признаков поспешного бегства хозяина. Шмотки и видеотехнику не трогать! – сурово предупредил Бык. – И голыми руками ни к чему не прикасаться!

Фиксатый бандит извлек из кармана джинсовой куртки специально купленные в магазине тонкие хозяйственные перчатки и протянул их Игле.

– Все понял?

– Слиял, что ли, фраерок по-тихому? – пожав покатыми плечами, суетливо высказал предположение наркоман. Сейчас он не мог думать ни о чем, кроме дозы, и мечтал только об одном: как можно скорее выполнить любой приказ Новгородского Быка, пусть даже несложную мокруху, получить деньги и отправиться на ближайшую точку – квартиру-притон в доме напротив «Ленфильма», где можно взять «чек» и уколиться.

– Нечто в этом духе, – расплывчато ответил зыркающий глазами по сторонам, явно пребывающий в напряжении фиксатый. – Все, пошел. И веди себя естественнее!

– Ладно, – буркнул, открывая разболтанную дверцу и покидая грязный салон «Жигулей», Игла.

Бык непроизвольно коснулся ладонью внутреннего кармана куртки, где находился китайской сборки пистолет «ТТ», и проводил быстро пересекавшего двор поделника тяжелым взглядом. Затем посмотрел на часы, извлек из кармана невесомую трубку и в двадцатый, наверное, раз безо всякой надежды набрал номер сотового телефона исчезнувшей любовницы.

И вдруг, после первого же длинного гудка, ему ответил глухой, явно настороженный мужской голос:

– Алло? Вас слушают! Говорите!..

Сердце бандита едва не выпрыгнуло из груди. Он торопливо нажал на сброс, потом поморщился, как от острой зубной боли, и с протяжным воем хлопнул себя ладонью по лбу. Бык запоздало вспомнил, что мобильник Масюлевич имел определитель номера. Выходит, только что он оставил боевикам старика ниточку, которая может привести амбалов Тихого прямо к нему!

В том, что на попытке добыть тайные счета хозяина нимфоманка Масюлевич спалилась, фиксатый больше не сомневался ни на йоту. Можно было прямо сейчас уезжать из этого долбаного двора, отзывать наружку от «Калькутты» и в срочном порядке предпринимать ответные действия, но он не мог этого сделать, не дождавшись возвращения Иглы из квартиры.

Выругавшись сквозь зубы, Новгородский Бык закурил, жадно, со свистом, втягивая в легкие дым. Высосав всю сигарету за десяток затяжек, он щелчком выбросил бычок за припущенное стекло и увидел пулей вынырнувшего из подъезда наркомана. Тот не шел – почти бежал обратно к тачке. На руки его все еще были натянуты прозрачные перчатки!

Бык едва не зарычал от подобного дебилизма. Мозг его лихорадочно работал: значит, Игла увидел на хате нечто такое, что лишь подтверждало самые худшие опасения насчет взятой с поличным Наталии. Вот это засада так засада!

Повернув ключ в замке зажигания, фиксатый запустил недовольно чихнувший изношенный движок колымаги.

Бык не сомневался, что слабая женщина с ходу расколется Тихому и про их тайные встречи, и про то, что рассказала пылкому любовнику «запасной вариант», предусматривавший прохождение грузовиков со спиртзаводами через северный пограничный КПП в случае непредвиденного закрытия тереховского «окна». Он спалился по-черному. Старик, как пить дать, уже заказал его!

– Там в гостиной стул опрокинут, в ванной на стиралке комплект чистого бабского белья лежит, лифон с трусами, и воды полно, уже через верхнее сливное отверстие уходит, – рванув на себя дверь и едва не вывалившись на асфальт, когда Бык резко дал по газам «жигуленка», сообщил запыхавшийся наркоман. – Видно, когда за телкой пришли, то в ванну не заглянули. А вода на душ была переключена, потому и не слышали, как набиралась. Вполне могло уже весь дом затопить...

– Перчатки сними, ур-род! – Вылетев со двора через арку на Каменноостровский проспект и выровняв машину на полосе, Бык коротко, не поворачиваясь, от души врезал наркоману кулаком в челюсть. Удар получился сильный. Длинный и тощий, как шланг, Игла перегнулся в поясе и здорово приложился лбом о переднюю стойку.

– За что?! – потирая багровую ссадину над бровью, занял лоханувшийся поделник, прекрасно понимая, в чем прокололся. Он торопливо стянул перчатки и, помешкав, сунул их в бардачок машины.

– Сам знаешь, – огрызнулся Бык. – Скажи спасибо, если любопытные старухи у окон тебя с этими перепонками на граблях не срисовали! Выбросишь их в первый попавшийся мусорный контейнер. Вот же пидор...

Через два квартала, у моста через Неву, фиксатый остановил машину. Достав несколько смятых пятисотрублевых, брезгливо, как подачку, бросил их на колени затравленно притихшего наркомана.

– Ключи от хаты.

Игла, пробормотав невнятные извинения, вернул связку дубликатов. Бык открыл дверцу, вышел из тачки, наклонился к проему и, мрачно уставившись на презираемого им бывшего бандита, превратившегося из-за дури в половую тряпку, четко произнес:

– Пикнешь кому хоть слово – убью! – С силой захлопнув дверь «копейки», бригадир быстрым шагом направился к своей припаркованной неподалеку от набережной «Тойоте Ленд-крузер».

Проходя вдоль гранитного парапета Невы, Фикса, стараясь не привлекать постороннего внимания, выбросил в свинцовую воду ставшие ненужными ключи от квартиры любовницы. Обернулся. «Жигуленка» Иглы уже не было.

Направляясь к джипу, Бык напряженно думал. Теперь, когда все открылось, у него осталось только три пути.

Первый – немедленно забрать из тайника баксы и слинять поездом куда глаза глядят. Во Владивосток, например. Или в Белоруссию, благо в гости к батьке Лукашенко для братьев-россиян никакой визы не требуется. Там, возможно, и не достанут. Но мир, как известно, тесен. Каково это – всю оставшуюся жизнь трястись от страха, пугаться собственной тени и ежедневно ждать киллерской пули в затылок?! Так можно и крышей поехать. К тому же, если разобраться, бежать из города с чемоданом денег никогда не поздно. Пока ты жив и здоров...

Второй вариант, стремный – рассказать все папе, известному авторитету Александру Петровичу Мальцеву, и попросить у него защиты от скорой и кровавой мести старика. Разумеется, узнав о провернутом без его ведома шумном, с тройной мокрухой, кидке пожилого уголовника, Петрович, мягко говоря, не похвалит. Ведь мало того, что Бык стал инициатором серьезного конфликта, так он все заработанные на продаже бельгийских спиртзаводов деньги, не считая доли новгородских поделщиков, забрал себе! Вобщак группировки не отстегнул ни бакса! А это почти то же самое, что скрысятить у своих... Еще неизвестно, как папа отреагирует на такую тухлую выходку. Может получиться даже хуже. Вроде как добровольно кинуться в пасть голодному тигру.

Но даже если Петрович простит Быка, племянника своего давнего знакомого, бывшего кореша по зоне новгородского карточного шулера Арлекино, прикроет его своим авторитетом, влиянием и силой, многократно превосходившей боевую мощь стремной группировки Тихого, то с таким трудом и огромным риском заработанные деньги – а это без малого пол-«лимона» баксов, целый капитал! – однозначно придется отдать. Но тогда ради чего было рисковать шкуркой и затевать столь сложный гамбит с бухгалтершей-нимфоманкой? Ради проблем на задницу?! Ведь в любом случае Тихий не простит ему, мелкой бандитской сошке, такой крутой подлянки. Выследит и кончит. И никакой Мальцев не поможет. Только ручки свои потные потрет, падла, ни за хрен собачий поимев целую кучу валюты!

Нет, этот вариант отпадает. Как говорит Коля Фоменко на «Русском радио», игра в гемморой не стоит свеч. Прав клоун.

Остается вариант номер три. Наиболее безумный, но, пожалуй, самый эффективный с точки зрения тактики. Заставить самого Тихого дрожать от ужаса. Сделать его жизнь кошмаром. Превратить из охотника в дичь. Наконец, посорить его с другими авторитетами. С тем же Мальцевым. Почему нет?! Когда начнется настоящая гангстерская война, когда вооруженные банды боевиков, не разобравшись толком, начнут крошить друг друга направо и налево, когда кровь хлынет рекой, – уже никому не будет дела до того, кто и кому приказал перехватить чужой контрабандный груз.

А дать этим долбаным паханам отмашку к началу смертельного поединка – раз плюнуть!

В свой джип Новгородский Бык сел, уже точно зная, как перейти в разборках с вычислившим его Тихим от обороны к наступлению.

Глава 4

К этой поездке в город Алена готовилась заранее. Сегодня она твердо решила удрать от неотступно опекающего ее телохранителя и – впервые в жизни! – в свои шестнадцать лет совершенно одной побродить по Петербургу. В последние месяцы ее особенно угнетало, морально и физически, ощущение тянущегося за ней, постоянно наблюдающего за каждым ее движением угрюмого «хвоста» с пистолетом под пиджаком. Она мечтала погулять по городу, а ближе к вечеру зайти на какую-нибудь молодежную дискотеку, выпить бокал запретного шампанского и потанцевать с понравившимся парнем, одним словом – вдохнуть воздух настоящей свободы и лишь поздно ночью вернуться домой на такси. Просчитав все возможные варианты, Алена уже давно пришла к выводу, что к бегству у нее есть только один путь – через окно женской туалетной комнаты. Это было единственное, если не считать примерочной кабинки, место в городе, куда не совал свой нос телохранитель и где она могла хотя бы минуту побыть совершенно одна, когда находилась вне дома.

Но, как назло, во всех больших магазинах и модных бутиках, которые она посещала с тех пор, как решилась на дерзкий побег, женские комнаты были без окон. Или окошко оказывалось таким крохотным, что в него могла пролезть разве что мышка. Или вело в загаженный двор со ржавыми железными воротами, закрывающими арку, из которого не было выхода.

Но Алена не унывала. Главное, думала она, есть сам план побега, а найти подходящее окно – это лишь дело времени.

Отец, ее заботливый, щедрый, добрый престарелый папа, имевший – кто бы мог подумать! – непосредственное отношение к миру организованной преступности и даже находившийся где-то очень высоко в жесткой гангстерской иерархии, знакомой Алене лишь по детективным романам и фильмам, – этот отец как глава семьи имел лишь один существенный недостаток: он слишком любил своих жену и дочь, чтобы позволить им находиться вне роскошного трехэтажного коттеджа в Озерках без сопровождения охранника. И очень за них боялся, особенно учитывая полную опасностей «профессию», которой он зарабатывал на жизнь. А денег у отца всегда было очень много. Алена не помнила, чтобы отец хоть раз отказал ей в просьбе о приобретении той или иной вещи, сославшись на отсутствие средств. У них в доме было все, что только можно пожелать, – от сауны с бассейном и водопадом, спортивного зала с тренажерами, матами и зеркальной стенкой, шикарной мебели, эксклюзивных предметов интерьера, лучшей аудио– и видеотехники, самых современных компьютеров до модных туалетов известных кутюрье и деликатесов к столу. Разве что наличных отец Алене почти не давал. Они дочке просто не требовались. В бумажнике ее телохранителя всегда имелось сразу несколько пластиковых кредитных карточек, которыми можно было расплатиться в большинстве солидных магазинов Санкт-Петербурга. В другие она не заходила...

Считала ли себя Алена Белова, у которой было все, кроме свободы, счастливой? Нет.

Девушка часто думала, что ее жизнь сложилась бы совершенно иначе, если бы в три года она, испугавшись безобидной, в сущности, новогодней шутки подвыпившего отца, не потеряла способность говорить. Она ходила бы в обычную школу, общалась со сверстниками, рано или поздно выбила бы себе право свободно распоряжаться своим временем и, наверное, уже давно встречалась бы с парнем, как делают все ее сверстницы, даже куда как менее обеспеченные, менее красивые и не столь образованные, но совершенно свободные в плане времяпрепровождения. А так...

Когда Алене исполнилось пять лет, отец настоял, чтобы ее не отдавали в спецшколу для глухонемых детей. Ведь она все слышала и до трагического несчастного случая даже умела разговаривать. Тогда учителя – их было пятеро – стали приходить к ним домой, благо дома были созданы все условия, в том числе и чисто технические, для полноценного обучения ребенка.

Так девочка, не отвлекаясь на посторонние глупости и не тратя уйму лишнего времени, как учащиеся обычных образовательных школ, уже к четырнадцати годам получила аттестат о среднем образовании, в совершенстве овладела компьютером и выучила два иностранных языка – английский, как принятый международный, и итальянский, как самый мелодичный и красивый. Она не могла говорить, но все понимала, писала и переводила спутниковые телепередачи – в огромном доме, разумеется, помимо прочего имелась и сателлитовая «тарелка».

Вот и выходило, что средствами общения Алены с таким многогранным и наполненным жизнью, событиями, зрелищами и совершенно разными человеческими судьбами огромным миром, не считая похожих на тюремную прогулку выездов в город «под конвоем» и молчаливого общения с угодливыми продавцами престижных магазинов, были лишь книги, видео, телевизор, а в последние пару лет – всемирная компьютерная паутина Интернет. За монитором Алена проводила практически ежедневно по несколько часов, перелистала тысячи сайтов, от платных откровенно эротических до смешных персональных страничек с кустарными газетами, анкетами, играми, мультфильмами, сказками, байками и прочей белибердой, принадлежавших таким же простым пользователям, фанатам виртуальной реальности.

Но главное – благодаря компьютеру одинокая девушка получила возможность вести переписку с несколькими заочными приятелями, не только в России, но и за рубежом. Весь этот обмен приветами был совершенно несерьезным, и вскоре из всех заочных друзей у Алены осталось лишь двое – назвавшийся Алексеем двадцатилетний парень из Питера и пятнадцатилетняя девушка из Ярославля с редким, а возможно, и выдуманным именем Диора. Только им двоим Алена рассказала о себе подробно и правдиво. В частности, о том, что лишилась дара речи в результате перенесенного в детстве шока и не может встречаться с кем-либо по той причине, что вне дома ее неотлучно сопровождает громила-телохранитель. Но вот на вполне понятные вопросы своих компьютерных друзей о ее отце Алена вынуждена была солгать и сообщила, что папа – крупный бизнесмен...

Однажды, примерно месяц назад, Алексей предложил Алене встретиться где-нибудь в городе. Посмотреть друг на друга вживе после полугода заочного знакомства и достаточно откровенных, глубоких, с обменом мыслями о сложностях жизни и насущных проблемах, однако ни к чему не обязывающих писем. С чисто практической точки зрения «забить стрелку», как выразился Алексей, было совсем легко – достаточно всего лишь обговорить время и место встречи. Скажем, в «Пассаже», в два часа дня, у секции косметики «Ревлон». А не узнать Алену, рядом с которой постоянно топчется громила с внешностью Кинг-Конга, было просто невозможно...

Алена пообещала подумать и завтра дать ответ.

Всю ночь она не спала и то молча смотрела через огромное мансардное окно на далекие мерцающие звезды, то тихо плакала, думая о несчастной, бросившей ради отца сцену и балет маме. Болезненно мнительный отец Алены практически со дня свадьбы держал молодую жену на «коротком поводке», и она уже семнадцать лет страдает от недреманного всевидящего ока у себя за спиной.

Алена не боялась встречи, о которой попросил парень. Не боялась, что ее разочарует внешность доброго товарища, почти ровесника, в общении с которым уже давно не существовало запретных тем. Внешность мужчины для выросшей в молчаливом окружении выдуманных книжных героев и наивных грез девушки не являлась важным фактором. Можно даже сказать, что она имела наименьшее значение. Гораздо сильнее девушку волновало, что у человека внутри. И уж тем более Алена не боялась, что Алексей в ней разочаруется (для мужчин внешность девушки играет подчас огромную роль), прекратит писать и она потеряет интересного собеседника и даже друга, без которого ее и так не слишком веселая жизнь станет заметно скучнее и тоскливее. Нет, Алена знала, что Создатель не обделил ее внешностью. Она не раз замечала, как плотоядно, со скрытым вождением смотрят ей вслед и безмолвно томятся, не

смея делать комплименты, сменяющие друг друга безликие охранники, а мужчины в городе буквально выворачивают шеи, когда она проходит мимо. Один толстяк на «Мерседесе», заглядевшись, едва не врезался в столб на Невском, чем немало посмешил Алену. Девушка видела, с какой завистью, улыбаясь сквозь зубы, разглядывают ее высокую стройную фигуру и маленькую упругую грудь считающие себя чуть ли не Клавами Шиффер продавщицы модных магазинов и напыщенные, манерные визажистки в салонах красоты.

Алена боялась другого. Того, что эта очная встреча с Алексеем будет для них первой и последней. Пока парень и девушка, рисуя в воображении образы друг друга, общаются через компьютер или, скажем, по телефону, этот заочный дружески-романтический роман может продолжаться очень, очень долго. Ведь невидимый, полностью открывающий тебе душу друг – это лучший друг в мире. Идеальный. Какого нет в повседневной жизни.

Но стоит Алексею увидеть ее, и он, как любой нормальный парень на его месте, обязательно захочет новых встреч, более насыщенного, более тесного общения, на что излишне строгий и в последнее время заметно постаревший и замкнутый отец никогда не согласится.

Разве это жизнь?! Права мама, тысячу раз права – это золотая клетка, из которой при свихнувшемся на их безопасности отце нет выхода! «Хоть бы тебя наконец прикончили, старая сволочь!» – бросила однажды мать в лицо мужу, выпив слишком много.

Страшно признаться, но и Алена, любившая отца ничуть не меньше, чем в детстве, в последнее время думала об этом же – об освобождении, которое может дать ей и маме только смерть Олега Степановича...

На следующее утро заплаканная, с покрасневшими глазами Алена села к компьютеру и отправила Алексею письмо, в котором наотрез отказалась от встречи и просила его больше никогда не писать ей, ибо у них нет общего будущего.

А ниже приписала, что любит его...

Но парень, как робот, в которого заложили программу, продолжал присылать письма, словно ничего не случилось. Правда, послания стали короче, чем прежде, и приходили нечасто – всего раз или два в неделю, но регулярно. Алена чувствовала, что еще немного, и она не выдержит, ответит, и тогда...

Что? Что может быть «тогда»?!

Понимая, что находится на грани нервного истощения, девушка уже не могла думать ни о чем, кроме побега. Воздух свободы – вот что ей было нужно сейчас куда больше, чем все капиталы поехавшего крышей отца-мафиози.

Сегодня, во время поездки на ежегодную туристическую ярмарку в «Ленэкспо», Алена твердо намеревалась в очередной раз попытаться улизнуть из-под опеки телохранителя Тимура и окунуться в долгожданные объятия огромного, лязгающего, манящего и одновременно самую чуточку пугающего мегаполиса. В ее крохотной дамской сумочке, кроме электронной записной книжки, на экране которой, как на листе блокнота, можно было писать специальной палочкой, лежала тоненькая пачка долларов – ровно две тысячи. По прикидкам Алены, этих денег должно было хватить, чтобы весело провести вечер.

Глава 5

Покинув квартиру вместе с Лялей и демонстративно не обращая внимания на стриптизершу, которая шла рядом, поправляя влажные после душа волосы, Леха Реаниматор с неприглядным лицом молча спустился к поджидавшему его джипу с братками. Позади сидевшего за рулем «БМВ» Лобастого в тачке по-хозяйски развалился, высунув руку с сигаретой в приоткрытое окно на задней двери, бритый под бильярдный шар молдаванин Верзила. Увидев рядом с Лехой шикарную даму, он восхищенно присвистнул:

– Вот это бикса! Братан, ты, в натуре, гигант! Гы-гы!

Ляля остановилась у подъезда, повернулась к Лехе и спросила равнодушно:

– Подвезете до метро? Или я пешком...

– Сегодня некогда, куколка, извини. Нам в другую сторону. Тут рядом, за пять минут дойдешь. Между прочим, могла бы и на моторе. Деньги есть.

– Я экономная, – сверкнула белоснежными искусственными зубками стриптизерша. – На апельсиновую норку к зиме собираю, понял?

– Понял. Ну, пока, – погладив Лялю по заднице, Реаниматор обошел джип, распахнул дверь и устроился на кожаном сиденье рядом с Лобастым. Обернулся к едва не высунувшему язык Верзиле, тяжело взглянул на его похотливую рожу.

– Когда б я так жил! – гоготнул поглощенный созерцанием женских прелестей браток, провожая взглядом зазывно покачивающую бедрами Ляльку. – Такой станочек, сиськи! И сколько стоит?! Может, и я продегустирую?!

– Эта бикса только для белых, по спецзаказу, – подтолкнув тяжело вздохнувшего Леху локтем, сообщил Лобастый, рывком трогая джип. О встречах Реаниматора с танцовщицей из «Луны» в отличие от примкнувшего к их бригаде совсем недавно Верзилы он был хорошо осведомлен. – Так что, африканский друг Мандела, на чужой каравай рот не разевай. Видишь, Леха уже окрысился...

– А я че? – быстро пошел на попятную Верзила. – Спросить нельзя, что ли, бля?! А за ниггера, слышь, еще ответишь...

– Ладно, не ссы. Ты не ниггер. Ты круче. Румын – это звучит гордо! Ха-ха!

– А как насчет в табло?!

– Памперс только смени, боец, пахнет.

Реаниматор, не обращая внимания на бестолковую словесную перепалку молодых пацанов (он был старше обоих лет на десять), молча достал из пачки сигарету, закурил и, кинув взгляд на лихо крутившего янтарную лакированную баранку «БМВ» Лобастого, тихо спросил:

– Куда так торопимся? Даже не позвонил. Плохо.

– Извини, братила, что кайф тебе сломали, – примирительно бросил Лобастый. – Тема есть горячая, нужно срочно ехать в Русско-Высоцкое. Поселок такой, по Таллинскому, до развилки, а там...

– Я в курсах, где это, – кивнул Реаниматор. – Проезжал пару раз, когда на рыбалку, на Судацье, ездил. Зачем нам в этот долбаный колхоз? Ларек, что ли, открылся? – хмыкнул брезгливо.

– Там это... – вмешался в разговор бритоголовый молдаванин. – Барыга один с рынка «Юнона» наводку слил. Я ему как-то обмолвился... типа, если знаешь, кто не платит, выкладывай, будешь ежемесячно свою долю с нашего процента иметь. Ну, урод и купился.

– Информация непроверенная, получена коммерсантом через десятые руки. Кто-то случайно по пьянке сболтнул. Но, если тема подтвердится, можно нехило развлечься, – деловито заметил более серьезный и менее эмоциональный, чем напарник, Лобастый. – Короче, вроде как в доме одном, сараюге на окраине, целая подпольная студия обосновалась. Видеофильмы

снимают, Эйзенштейны гребаные. Причем кассеты гонят исключительно на экспорт. Здесь не светятся, сидят тихо, целых два года. Поэтому их до сих пор и не спалили.

– Клубничка? – уточнил Реаниматор, широко зевая. Разве в постели с Лялькой выспишься!

– Она, родимая!

В последнее время невероятно прибыльный порнобизнес, по доходности сравнимый разве что с торговлей оружием и наркотой, расцвел в Ленинградской области, граничащей с чухонскими Эстонией и Финляндией, махровым цветом. Правда, до сих пор под группировкой Мальцева не было ни одной из подпольных студий. Что ж, если повезет, сегодня они с пацанами прикрутят первую.

– Не обычная, бля, клубничка, а круче некуда! – осклабился Верзила, резко подавшись вперед к самому Лехиному уху. – Садисты, мазохисты, педики, извращенцы всякие, а до кучи – малолетки! За такие стремные штэллы можно с терпил немерено лавэ снять!

– Это барыга твой болтал, точно пока ни хрена не известно, – осадил подельника Лобастый. – Может, туфта голимая. Я лично думаю, мало шансов, чтоб такая шарага два года без крыши суетилась. Прикинь, кто в порнухе снимается? Шлюхи, гомики разные. За два года их сколько должно было через студию пройти? И у каждой второй язык длиннее моего члена. Давно бы проболтались. Или братве, или мусорам. В таком бизнесе нужно с надежной крышей еще перед открытием договариваться. За сумасшедшие бабки. Опять-таки сбыт продукции. Так что левые фраера, дилетанты в таких делах не участвуют, только профи. А у профи все схвачено.

– Проверим, – подвел черту Реаниматор, небрежно давя в пепельнице окурков. Скептически прищурился. – Значит, информация вся? Русско-Высоцкое, сараюга на окраине?

– Чем богаты, – пожал плечами Лобастый. – Приедем на место, прокатимся по поселку, оглядимся спокойно. Может, найдем зацепку.

– И что ты надеешься увидеть? – усмехнулся Леха. – Огромный плакат на воротах: «Студия «Порномаунт пикчерз»?»

Лобастый пожал плечами.

– Если даже представить, что коммерсант прав и видеостудия в поселке существует, то с кондачка нужный дом не срисуешь, – продолжал Реаниматор. – Теневые барыги – народ осторожный. По уму надо или наблюдение круглосуточное ставить, минимум в трех точках, или номер дома знать.

– Значит, остается только... – с глубокомысленным видом встрял Верзила, сосредоточенно ковыряя в носу, – заходить в каждый дом и представляться водопроводчиком! Бабуля, кран починить не надо? Гы-гы!

– Не в каждый, мудила. Сказано – на окраине, – скосив глаза на хмуро задумавшегося Реаниматора, буркнул Лобастый. – Короче, не хер зря воздух пачкать, до Русско-Высоцкого долетим, а там уже как карта ляжет.

– Главное, раньше времени на них страху не навести, – потянувшись за новой сигаретой, тихо сказал Леха. – Не каждый день такие приметные тачки, как наш «бимер», круги по тамошнему навозу наворачивают... Вот что. Остановимся на трассе, вы пока посидите, а я схожу прогуляюсь. Если вдруг что – позвоню на мобилу.

– Как скажешь, бры-га-дыр! – попытался поиронизировать молдаванин, вольготно развалившийся на заднем сиденье – на манер султана на пуховых подушках.

И Реаниматор в который уже раз с трудом удержал себя от того, чтобы в качестве воспитательной меры не развернуться и не врезать излишне быстро освоившемуся в бригаде борову по губастой смуглой роже.

... Долго искать «сараюгу», однако, не пришлось. Не спеша прогулявшись по улочкам поселка и попив пивка, купленного в придорожном ларьке, Леха увидел только один дом,

заслуживающий внимания. Он действительно стоял на окраине, вдалеке от обшарпанных панельных пятиэтажек, деревянных халуп и оживленного шоссе.

Двухэтажный добротный коттедж кубической формы из белого кирпича, с пристроенным к нему просторным гаражом, с окнами, плотно закрытыми от любопытных взглядов горизонтальными жалюзи и защищенными от проникновения извне металлическими решетками. Реаниматор сразу про себя отметил, что огороженная забором территория без единого деревца и кустика и ближние подступы к выглядевшему безжизненным и пустым дому просматривались со второго этажа во всех направлениях. Лучшего места не придумать. Если видеостудия действительно существует, то располагается она именно здесь...

Когда же, проходя мимо коттеджа, Леха вдруг заметил установленную перед входом крохотную камеру видеонаблюдения, он лишь мысленно усмехнулся. В яблочко!

Перед тем как вернуться назад, к джипу, Реаниматор внимательно изучил сонный поселок, обойдя его весь, и опять свернул к ларьку, в котором покупал пиво. У заветной точки топтались трое заскорузлого колхозного вида мужиков в промасленных спецовках. Подождав в сторонке, пока они удалятся, купив сигарет и по две бутылки отдающей стиральным порошком «Балтики», Леха наклонился к окошку, взял еще немецкого пива и, отказавшись от сдачи, спросил у продавца – сонного веснушчатого парня:

– Слышь, корешок, ты местный?

– Ну, – равнодушно бросил тот, покосившись на коренастого, хорошо одетого мужика с короткой стрижкой, едва заметным шрамом над левой бровью и массивным золотым перстнем на безымянном пальце правой руки.

– Может, поспедействуешь тогда? А я в долгу не останусь, – в окошке словно невзначай появилась фиолетовая пятисотрублевка. – Я друга ищу. У него здесь, в Русско-Высоцком, дача. Коттедж. Владимир Константинович его зовут. Фамилия Корнеев. Коммерсант из Питера.

– Тут много у кого из питерских дачи, – не спуская глаз с купюры, уже чуть живее, но все еще вяловато ответил парень. – Когда построился-то друг?

– Два года назад. Может, чуть раньше. Говорил, дом из белого кирпича.

– А... машина у него какая?

– У него-то?! – ухмыльнулся Реаниматор, отхлебывая пиво. – Да он их как перчатки меняет! Последняя, кажется, «Фольксваген».

– Не видел, – покачал головой продавец. – Есть тут один похожий коттедж, но там хозяева не питерские. И «Фольксвагена» нет. Только серая «девятка» и мини-вэн корейский синий, у обоих стекла тонированные.

– Точно? Ты ничего не путаешь?

– Что я, дурак? У питерских тачек номера с серией семьдесят восемь, а у этого одна машина с серией шестьдесят, а другая – девяносто девять.

«Ни фиги себе разница! – подумал Реаниматор. – Псков и Московская область». А вслух сказал:

– Вот бля! Кинул, значит, сволочь! Понимаешь, корешок, – нагнувшись ближе к окошку и выпустив на парня пивной выхлоп, по-свойски сообщил Леха, – денег он мне должен, гад. Много. Я ему на сотовый звонил, а он – подъезжай, говорит, сегодня в Русско-Высоцкое, на дачу. Коттедж из белого кирпича, приметный. Отдам все до копейки. Ладно, раз такое дело. Вот, на, держи, – словно жалея денег, нехотя бросил продавцу смятую купюру. – Спасибо тебе, а то ползал бы тут как дурак, вынюхивал... Ну, найду козла – точно ноги выдерну!

– Дядь, – без тени смущения смахнув пятисотрублевку в недра ларька, сказал парень, – а ведь вы, наверное, опер из милиции. А? – и хитро прищурился.

Реаниматор, уже успевший разогнуться и, бросив в мусорник недопитую жестянку с теплым пивом, нацелиться на стоявший в пределах видимости джип с пацанами, оглянулся. Вни-

мательно, исподлобья посмотрел на продавца, словно оценивая, можно тому довериться или нет, после чего снова наклонился к окошку ларька.

– Почему ты так решил? – тихо спросил он парня.

– Не знаю. Только... если вам еще кое-чего про хозяев того дома узнать надо... – хитрец многозначительно замолчал и поджал губы.

«А ты, парень, не дурак, – подумал Леха. – Сечешь поляну. И, главное, если что, трепать точно не станешь. Деваться тебе отсюда, от родной хаты, больше некуда».

Сунув руку в карман куртки, Реаниматор вытащил стянутую резинкой пачку, и на окошко легли еще пять красненьких сотен.

– Не, вы не мент, – понимающе фыркнул парень, увидев такую кучу денег в руках незнакомца. – Скорее наоборот. Но мне по фигуре. В общем, так, – он придвинулся ближе и перешел на шепот: – Наш дом неподалеку от этого коттеджа стоит. Его еще лет пять назад строить начали, но потом бросили. А два года назад объявился новый хозяин и быстро все доделал. Самого я только пару раз видел. Когда строительство шло и уже позже. Сигареты у меня покупал, рано утром. Высокий такой очкарик, примерно вашего возраста. Вообще он в поселковый магазин не заходит и по округе не гуляет. Только на тачке передвигается. Приедет-уедет. Иногда я видел, как мини-вэн ближе к ночи в противоположную от трассы сторону, к лесу, уезжает. Потом возвращается часа через два. А однажды, с год назад, вообще интересный случай произошел... – Продавец стрельнул по сторонам глазами и, убедившись, что рядом с ларьком нет покупателей, приглушенно продолжал: – Тогда на втором этаже коттеджа еще решеток не было, только жалюзи. Из окна ночью девка вылезла, по простыне. Голая, в одних трусах. Я как раз на улице курил и все срисовал. Не успела спрыгнуть на землю, как из двери амбал с пистолетом в руке вылетел. Она его увидела и как закричит. Бежать не могла – наверно, ногу подвернула. А этот гoblin подлетел, по башке ей рукояткой пушки врезал, ну девка и вырубилась. Сгреб и обратно в дом заволок. Потом вышел на крыльцо и долго, сука, по сторонам смотрел, проверял, все ли тихо...

Резко закончив свою удивительную историю, буквально прилепившую к окошку посе- рьезневшего Реаниматора, паренек как ни в чем не бывало отвернулся и сделал вид, будто ковыряется в коробках с товаром, пересчитывая пакеты с соком и бутылки с минеральной водой.

– Корешок, ты меня здесь видел когда-нибудь? – строго спросил Леха, перед тем как отойти. – Подумай, советую.

– Вам что, сигареты или пивка?! – обернувшись, парень приподнял брови и посмотрел на Реаниматора как на случайного покупателя-автомобилиста, словно видел его впервые в жизни.

Леха удовлетворенно хмыкнул, кивнул и направился к джипу.

Значит, видеостудия, где снимают порнушку и прочую мерзость, все-таки здесь, под боком. Вряд ли камера перед входом в коттедж оснащена системой ночного видения. И фонаря рядом с воротами нет. Притупилась у барыг бдительность от долгой безнаказанности, факт. Впрочем, о чем это он, сейчас белые ночи, в двенадцать ночи светло, как днем. Что ж, это не великая помеха... Кстати, любопытно, на кой ляд мини-вэн по ночам в лес ездит? Не за грибами же.

Страшная догадка пришла сразу, и Леха, за плечами которого было много такого, о чем не говорят вслух, все равно ощутил, как по спине пробежала ледяная волна.

Он тяжело ввалился в джип, переглянулся с Лобастым, закурил и скомандовал:

– Давай назад в Питер. До вечера забот хватает. С папой надо вопрос о Северном рынке перетереть, пока он не свалил. Ты в курсе, Петрович сегодня к трем часам на венчание к Пузырю поедет, в Троицкий храм.

– Знаю, его Зверь с братвой сопровождать будет. А мы к шести, думаю, с делами закончим, – медленно проговорил Лобастый, внутренне уже ликуя от предчувствия поживы. Выходит, прав оказался барыга?

Бритый отморозок Верзила, уронив челюсть, подозрительно быстро для своего носорожьего интеллекта что-то сообразил, радостно хрюкнул и заерзал джинсовой задницей на мягкой коже сиденья.

– Когда закончим, то чуток переоденемся и вернемся, – помолчав, процедил Реаниматор сквозь зубы, медленно выдыхая сизый дым. – Зайдем к господину режиссеру в гости. Без приглашения.

– Ну, а если круто повезет, даже сможем поприсутствовать на съемках! – оскалился Лобастый, до упора вдавливая педаль акселератора.

Сзади мерзко, глумливо захихикал, потирая потные ладони, Верзила.

Глава 6

Со стороны застывшие у алтаря Троицкого храма молодожены смотрелись как пара клоунов в цирке. Толстый и Тонкий. Это сравнение сразу пришло на ум Тихому, едва он увидел брачующихся, и несколько его позабавило, на минуту вырвав из плена прочно засевших в голове неприятных мыслей. Действительно, разменявший пятый десяток, низкорослый и очень упитанный Пузырь, которому как нельзя более соответствовало его погоняло, и совсем еще юная, высокая, очень худая и плоскогрудая невеста выглядели рядом друг с другом на редкость смешно. Как ожившая карикатура на тему «Неравный брак».

– И где он ее, такую прозрачную, только откопал? – словно по заказу, как раз в эту минуту прорвавшись через церковные песнопения, послышался сбоку, из толпы приглашенных, надменный басок.

Тихий повернулся и с интересом посмотрел на стоявшего у колонны крепкого, атлетического сложения красивого мужика, который с презрительной ухмылкой глядел поверх голов и зажженных свечей на неумело прикладывавшихся к подставленной священником иконе новобрачных. Судя по внешнему виду – видневшейся из-под воротника тонкой белоснежной рубашки «голде», демонстративно засунутым в карманы брюк рукам и специфическому взгляду, – этот здоровяк, как и все присутствующие, наверняка принадлежал к питерской братве. А точнее, к ее верхушке. Рядовых быков на свадьбу авторитета если и пускают, то лишь в качестве охраны.

У этого же была своя свита – тройка шкафов, даже в полумраке храма не снимавших квадратные темные очки. Но, как ни странно, Степаныч видел атлета впервые. Наверное, кто-то из новых, не так давно приподнявшихся и занявших ступеньку уровнем выше боевиков, подумал Тихий. Надо же, не боится бросаться такими словами, когда вокруг немерено братков из окружения Пузыря...

– Так они с самого ее детства знакомы, – проявил редкую для своего статуса осведомленность один из телохранителей атлета. – Это его двоюродная сестра, прикинь!

– Ни хрена себе, – фальшиво удивился здоровяк и, словно культурист на подиуме, поиграл проступавшими под огромного размера пиджаком грудными мышцами. – Это же грех, кровосмешение!

– У католиков трахаться с кузинами всегда было можно, – вставил другой охранник. – Западлом не считается.

– Так это у католиков, а Пузырь-то православный... Во, дожили, туши свет! – не унимался амбал, не приглушая голоса.

Как и предполагал Тихий, сразу с десятков братков из сгрудившейся в храме толпы, резко оглянувшись, злобно зыркнули на бесцеремонно обсуждавшего молодоженов бугая. Ага, засуетились. Ну что, орлы, выйти предложите балаболу на свежий воздух или как?!

Внимательно следившему за назревающим эксцессом, разом позабывшему свои тяжкие проблемы Тихому было любопытно, чем вся эта стремная пикировка закончится. Атлет со товарищи, будучи в явном численном меньшинстве, открыто нарывался, без тени страха с ухмылкой наблюдая за ответной реакцией пузыревских братков.

Но что больше всего поразило Тихого, так это бессильная злоба на лицах не сделавших даже малейшей попытки осадить незнакомца гатчинских! Что за чудо такое?! Уж не новый ли это воровской смотрящий вместо Вишни?! С такой физиономией? Бред.

– Слушай, ты случайно не знаешь, от какой семьи тот качок? – осведомился Тихий, оглянувшись на молча стоявшего сзади бодигарда Виталия, и удивленно приподнял седые брови. – Вон там, у колонны. Со свитой.

– А-а, этот... – протянул телохранитель, тоже, как и многие присутствующие, следивший за наглыми громилами. – Семья у него известная. Менты. Старший лейтенант из ОМОНа, а с ним его бойцы. Дмитрий Томанцев. Младший из братьев. Старшой опером в главке, на Литейном, на особо шумных делах специализируется. Недавно, говорят, майора получил. За разгром секты сатанистов.

– Значит, мусора пожаловали, – хмыкнул Тихий, брезгливо скривив бледные старческие губы. – Наглости набрались, в цивильном прикиде на венчание уважаемого человека припереться да еще язык свой поганый распускать. Раньше все больше из машины на пленку снимали, а сейчас вот как... Совсем, суки, оборзели после того, как народ президента-гэбэшника выбрал! Думают, теперь их ментовское время пришло...

– Вход в храм открыт для всех, – с непонятной иронией сказал Виталий. – И для ментов в том числе.

– Мое почтение, Олег Степаныч, – кто-то вполголоса окликнул Тихого, и патриарх увидел подошедшего к нему в сопровождении двух быков опоздавшего к началу церемонии Александра Петровича Мальцева.

На ловца и зверь бежит, сжав челюсти и изобразив на лице улыбку, подумал Тихий. Вслух же проговорил нейтральным тоном:

– Здравствуй, Саша. Как живешь?

– Не жалуясь, – с достоинством сказал Мальцев. И вдруг, чего совсем не ожидал Тихий, сразу рванул с места в карьер: – Я слышал, у тебя неприятности случились. Товар на несколько «лимонов» увели, людей невинных положили. Беспредел...

– От кого слышал?! – вмиг подобрался Степаныч, уже совсем другими глазами взглянув на надменно застывшего рядом хозяина Новгородского Быка. О трагедии у Старого Изборска знало всего несколько доверенных людей Тихого и... те мокрушники, которые перехватили контрабандные фуры. В утечку информации старик не верил. Значит, фиксатый все-таки действовал по его, Мальцева, команде. Как, однако, быстро правда выяснилась. Вот гнида!

– Такая горячая информация распространяется быстро, Тихий, – процедил Мальцев и, как показалось закипающему от негодования патриарху, добавил с издевкой: – И как, уже нашел обидчиков, Олег Степаныч?

– Нашел, Саша, нашел, – с трудом держа себя в руках, сухо бросил Тихий. – Тем, кто этот кидок заказал и кто исполнил, серьезный ответ по понятиям держать придется! – по-змеиному прошипел старик, глядя в улыбающиеся глаза Мальцева, и кулаки его непроизвольно сжались.

– Ну, желаю удачи, – кивнул уже на ходу несколько не изменившийся лицом Мальцев. Нагловатая, с черной короткой бородкой рожа авторитета осталась столь же равнодушной и непроницаемой, какой была до начала диалога. Уходя, Мальцев окинул взглядом патриарха питерского криминала и тихо, будто самому себе, добавил:

– Каждой сямке и каждому прыщу на жопе нужно знать свое место у параша. И не зариться на кусок, который он не в состоянии проглотить. Если вдруг надумаешь воевать, Степаныч, мой прямой номер в твоём распоряжении. Гвардия у тебя, я знаю, хоть и бесстрашная, но не слишком многочисленная...

Под торжественно зазвучавшие слова священника: «Венчается раб божий Борис рабе божией...», эхом отражавшиеся от сводов храма, авторитет одного из двух самых влиятельных преступных сообществ Северной столицы в сопровождении пары быков гордо прошествовал вперед, на ходу протягивая руку знакомым из ближайшего окружения Пузыря...

А оставшийся на месте Тихий, молча давясь от ярости, смотрел вслед Мальцеву с такой открытой неприязнью, словно хотел прожечь в его спине дыру размером с кулак. В сужившихся бесцветных зрачках старика плескалась ядовитая злоба.

Только что его, заслуженного человека, в присутствии рядовых жлобов обозвали сямкой и прыщом на жопе. И намекнули на тонкую кишку, на случай если у дедушки вдруг появится

необдуманное дерзкое желание поквитаться с могущественной, насчитывающей несколько сот боевиков группировкой.

Вот ты и дождался своей «черной метки», Тихий. Решай: или признать поражение и побитой собакой, поджав хвост, отойти от дел, заползти под диван и там зализывать раны, или ответить на вызов по полной программе. Как требуют жесткие воровские понятия, от которых ты когда-то отказался.

В боковом кармане Тихого громко запищал, завибрировал сотовый телефон. Степаныч вспомнил, что забыл отключить сигнал, хотя собирался это сделать перед посещением храма божьего. Матюкнувшись, старик торопливо достал крохотную трубку в янтарном корпусе и нажал на кнопку соединения.

– Слушаю.

– Олег Степанович, это Бульдог! – рявкнул мобильник голосом шефа службы безопасности Клычкова. – Только что мне с интервалом в три минуты отзвонились наши коммерсанты – директор компьютерного салона «Кронверксофт» и хозяин автостоянки на Народного Ополчения! На них только что, практически одновременно, круто наехали! По полному беспределу! Вломились малолетки, сучары бритые, выгребли всю наличность, до кучи надавали по роже и заявили, что отныне барыги будут максать Фиксе!

– Т-твою мать! – голос Тихого заметно дрогнул. Вот вам и вторая часть мерлезонского балета. Новгородский Бык, которого они искали, сам объявился. Без страха, нахрапом прет. Чувствует, отморозок, за спиной надежную стену. Значит, наглец Саша решился на наезд по всему фронту. Блицкриг решил устроить!

Предчувствие матерого битого волка не обмануло Тихого. Пошла раздача. Времени на размышления уже нет. Впрочем, он все для себя решил полчаса назад.

– Не нервничай, Пал Палыч, – как можно тверже произнес униженный патриарх. – Через двадцать минут я буду в Озерках, там и обсудим, как нам быть.

– Это еще не все, – обреченно вздохнув, глухо проговорил бывший опер. – Алена сбежала.

– Что?! – позабыв об окружавшей его толпе бандитов, во весь голос рявкнул Тихий. – То есть как – сбежала?! Где?!

– На «Ленэкспо». Вошла в женский туалет. Тимур, разумеется, остался снаружи. Кто ж знал, что девчонка пролезет в окно и слиняет! Я уже отдал распоряжения, ее ищут...

Тихий покачнулся – так сильно невидимая рука в стальной перчатке сдавила его изношенное, уже пережившее один инфаркт сердце. Лики на иконах в золоченых окладах поплыли перед глазами старика. Если бы не телохранитель, вовремя подхвативший оседающего хозяина под локти, Тихий наверняка не устоял бы на ногах и рухнул на каменный пол храма. Как бесформенный кусок мяса, из которого все та же железная рука выдернула позвоночник.

– На воздух, папа! Я помогу, держись!.. Все будет ништяк! – Виталий торопливо сгреб старика в охапку и, провожаемый любопытными взглядами загудевших по-пчелиному гостей Пузыря, поволок с трудом передвигавшего ватные ноги Степаныча к выходу.

– Я сейчас буду, – прохрипел в трубку Тихий, спрятал мобильник и снова схватился за сердце: «Господи, как больно! Зачем она сбежала?!»

Сгрудившиеся у колонны менты в штатском, опередив всех, бросились к тяжелым дубовым дверям и открыли их, выпуская парня, осторожно ведущего под руку бледного как полотно рецидивиста Белова.

– Может, вызвать «Скорую»? – спросил с искренним участием накачанный не хуже Шварценеггера старлей Томанцев.

– Отвали, ментяра, – смерив здоровяка испепеляющим взглядом, слабо огрызнулся известный каждому сотруднику спецподразделения МВД семидесятитрехлетний авторитет. – О себе лучше позаботься, пес.

– Вот и мечи бисер перед свиньями, – громко выплюнул вслед Тихому один из громил в черных очках. – Уже одной ногой в могиле, хрен старый, а все туда же, пальцы веером!

– Горбатого только пуля исправит, – согласился Томанцев-младший, не упускавший из виду, как ненавязчиво смыкаются совсем близко ряды угрюмых братков.

– Пойдем, мужики. Невесту и без нас поздравят, – хмыкнул старлей. – Жаль, не похристиански ставить раком господ бандитов прямо в храме. Впрочем, еще не вечер...

Повернувшись лицом к сверкающему за бычьими затылками сусальным золотом алтарю, омоновец не спеша перекрестился и вслед за стариком и его телохранителем с достоинством покинул храм. Трое в черных очках последовали за Томанцевым. Миссия психологического давления на братков была завершена. Теперь весь оставшийся вечер дорогие гости будут сидеть как на иголках, плоско остря, натянуто улыбаясь сквозь зубы и ежеминутно косясь на дверь в ожидании внезапного налета «маски-шоу» на снятый до утра ресторан. «Всем оставаться на местах, суки! Милиция!» И уйти – не уйдешь, Пузырь быстро смекнет, что гость струсил, и кусок в горло не полезет. Ладно еще, если прямо за столом накроют, а если голого, в бане?

Томанцев точно знал, что правоохранительные органы сегодня молодоженов не потревожат. Но пусть понервничают. Мелочь, конечно, а приятно. Гангстеры недоделанные, отморозки. Им полезно.

Упавший на заднее сиденье «Ягуара» Тихий, тяжело дыша, молча проводил взглядом отъехавшую от храма и свернувшую к Невскому черную ментовскую «Волгу». Бронированный лимузин авторитета плавно набрал скорость и понесся на север.

– Как вы себя чувствуете, Олег Степанович? – обернувшись через плечо, с тревогой в голосе спросил телохранитель.

– Не дождетесь, – процитировал известный еврейский анекдот старик и, достав кисет с табаком, принялся набивать трубку. – За дорогой смотри, Шумахер. Не хватало мне еще до кучи аварии!

– Бля буду, долетим, как ласточки. Гаишники отдыхают!

Зазвонил телефон, и на кристаллическом дисплее мобильного опять высветился номер Бульдога. Тихий нажал на кнопку соединения и проскрипел:

– Да, Паша.

– Снова плохие новости, Степаныч, – громко сопя, с трудом выдавил Клычков. – Очень плохие. Позвонил Антон. Он не решился сообщить сразу вам... Только что коттедж обстреляли из проезжавшей мимо машины. Сначала пустили по окнам очередь из автомата, а затем, твари, долбанули по каминному залу из подствольника! Самого Антона лишь легонько зацепило пулей, но врач, который приехал ставить «торпеду», ранен, пуля отрикошетила от стены в голову. А у Анастасии Эдуардовны... – Бульдог запнулся, – осколками стекла сильно порезано лицо и, кажется, поврежден глаз. Она истекает кровью. Медлить нельзя, я уже вызвал «Скорую»...

Тихий хотел громко, отчаянно крикнуть, но крик вдруг застрял в сомкнувшемся горле. Начальник охраны и телохранитель услышали лишь сиплый, сдавленный хрип. Так хрипят перед смертью задыхающиеся от приступа астматики.

Мобильник выпал из левой руки Тихого, ударился о носок лакированного ботинка, тлеющий табак рассыпался по коврику.

«Ягуар» резко вильнул, сбрасывая скорость, и молниеносно приткнулся у бордюра, прямо на оживленном перекрестке. Виталий выскочил из-за руля и, рванув на себя заднюю дверцу, во второй раз за последние четверть часа бросился к застывшему со стеклянными, вылезавшими из орбит глазами Тихому.

– Папа! Держись, папа!

Но телохранитель ошибался, полагая, что новое страшное известие окончательно доконает престарелого авторитета. Тихий уже взял себя в руки и крепко, до хруста сдавил тонкими пальцами сотовый телефон.

– Убей их всех, Паша, – чужим голосом приказал он Клычкову. – Я хочу видеть в завтрашних теленовостях истекающие кровью трупы. – Ударом кулака в грудь патриарх оттолкнул растерянно нависшего над ним Виталия. – К утру мне нужны трупы Быка и Саньки! Все!

– Степаныч, – застыл на асфальте бодигард.

– За баранку, живо!

Через пять секунд лимузин, с визгом тронувшись с места, выскочил на середину проспекта и, непрерывно сигналив и держась осевой линии, помчался к обстрелянному дому Олега Степановича Белова.

Мысли Тихого, лихорадочные, хаотические, путанные, буквально разрывались между тремя направлениями: грядущей войной с группировкой Мальцева, раненой Анастасией и побегом Алены. Все три свалившихся на его голову несчастья требовали безотлагательного решения. С той лишь разницей, что в последнем случае он оказался в роли беспомощного наблюдателя, вынужденного томиться неизвестностью и ждать возвращения сбежавшей на «Ленэкспо» Алены.

Только бы с ней ничего не случилось! Она же совсем не знает Питер. В этом целиком виноват только он, и больше никто! Господи, только бы обошлось без приключений, только бы дочурка вернулась в Озерки целой и невредимой! А он – он обязательно исправится! Неразумный отец понял свою главную ошибку, осознал бесполезность и вред навязанной самым близким существам в мире ежеминутной опеки и готов кардинально изменить свое болезненно-мнительное отношение к безопасности не выдержавшей одиночества Алены и тихо спивающейся Анастасии. Разве этого он хотел?! Нет!

Тихий ощутил себя слепцом, на которого внезапно снизошел божий дар прозрения.

– Для кого я стараюсь, ради кого я все это делаю? – чуть слышно проскрипел Степаныч, тупо глядя через пуленепробиваемое темное стекло на проносящиеся мимо дома, деревья, автомобили, на толпы спешащих по своим делам чужих, незнакомых людей. – Для себя? Мне ничего не надо. Ничего. Без Алены и Насти я – пустое место. Если их не станет, мне незачем больше жить...

Уронив лицо на ладони, патриарх питерского преступного мира Тихий вдруг неожиданно для самого себя заплакал. Горько, навзрыд, размазывая слезы по дряблым щекам.

Авторитет вдруг понял, что он остался в этом кишачем пираньями жестоком мире совершенно один. Жена и дочь отвергли его. Вокруг ежедневно суетится, заискивает, мелькает множество чужих людей, которым он дает возможность заработать на кусок хлеба с маслом, с которыми ему приходится встречаться, договариваться, «перетирать» и «разводить», но настоящему он никому не нужен. Даже самым близким.

Не дай бог, дожив до преклонных лет, вдруг осознать это.

Поглядывая на плачущего Степаныча в зеркало заднего вида, Виталий подавленно молчал.

В редкие минуты прозрения, когда с глаз человека словно спадает пелена повседневной суеты, он видит то, что является для него самым главным в жизни. Тех, ради кого живет. Кое-кто, с удивлением глядя вокруг, обнаруживает лишь вакуум. Бесплодную суету и лицемерие. Страшно.

Наконец старик уgomонился, вытер лицо извлеченным из нагрудного кармана карденковского пиджака шелковым платком, поймал в зеркале неестественно равнодушный взгляд Виталия и зло, вполголоса процедил:

– Ты ничего не видел. Узнаю, что проболтался, – кончу.

Виталий промолчал, едва заметно опустив веки. Телохранитель авторитета знал, что умеет хранить чужие секреты. А еще он знал тех двух человек на этом свете, ради благополучия которых он ежедневно рисковал получить от наемного убийцы предназначенную Степанычу снайперскую пулю.

Особо опасного рецидивиста Белова по кличке Тихий среди этих двоих не было.

Глава 7

Алене повезло! Одно из двух окон дамской туалетной комнаты на «Ленэкспо» располагалось в левой угловой кабинке и закрывалось изнутри на обычный шпингалет. Для того чтобы вылезти наружу, спрыгнуть на траву на глазах у изумленного рабочего с газонокосилкой, прошмыгнуть вдоль забора мимо соседнего павильона и оказаться возле центрального входа, девушке понадобилась всего пара минут. Тимур, поджидавший ее у двери в туалет, наверное, еще даже не успел почуять неладное и не скоро поймет, что его оставили с носом.

Алене было совсем не жаль охранника, хотя она и представляла себе, какую выволочку устроит ему рассерженный отец, узнав о побеге дочери. Так ему и надо, хвосту проклятому!

А пока побег не обнаружен, нужно как можно скорее удрать подальше и затеряться в лабиринте огромного города.

Господи, как же все-таки хорошо ощущать себя совершенно свободной!

У входа в выставочный комплекс стояло несколько желтых такси, и Алена, недолго думая, села в головную «Волгу», рядом с водителем. Таксист, молодой светловолосый парень лет двадцати пяти, с интересом оглядел ее с ног до головы, сально улыбнулся и повернул ключ в замке зажигания.

– Куда едем, красавица?

Алена быстро достала из сумочки электронный блокнот и пластиковой палочкой-ручкой чиркнула на его экране всего три слова: «Пожалуйста, в центр», а затем показала их удивленно приподнявшему брови таксисту. Парень бегло взглянул на чудо японской карманной электроники, способное не только выполнять обычные для персонального компьютера функции, но и распознавать, превращать в печатный текст и запоминать в файле рукописные каракули на пяти языках, включая русский, затем перевел взгляд на сидевшую рядом шикарную, окутанную ароматом французских духов девушку в стильном брючном костюме от Версаче и плавно отъехал от стоянки.

– Голос, что ли, сорвала? – с крестьянской простотой почти сразу спросил таксист у Алены, тихо балдея от ударившего в голову нежного букета «Дюны». – Или простудилась?

Алена, ничуть не растерявшись от поставленного с такой прямотой вопроса, огорченно скривила губы и кивнула. Дескать, бывают в жизни огорчения. Подумав, написала: «Мороженого переела». Удивительно, но парню даже в голову не пришло, что она немая. Впрочем, это его проблемы.

– В центр – это понятие растяжимое, – вполне удовлетворившись ответом, плавно и ненавязчиво продолжил обрабатывать симпатичную клиентку блондинчик, явно желая познакомиться. – Куда конкретно?

«На Невский».

– Невский большой, – не унимался таксист, слишком часто поглядывая на пассажирку и явно рискуя угодить в аварию.

«К Казанскому собору».

– Понятно, – вздохнул парень. – Не на свидание, случайно?

«Нет. Просто прогуляться. Погода хорошая».

– Так, может, вместе прогуляемся?! Ты как? – наконец перешел к конкретным предложениям блондинчик и совсем уж недвусмысленно посмотрел на Алену. – Я через два часа смену сдаю и свободен, как вольный ветер. Можем зайти в кабачок грузинский, я знаю один, на Садовой. «Киндзмараули» с шашлычком вмазать. За знакомство. И вообще... Кстати, меня Сергеем зовут. А тебя?

Ну вот, подумала Алена с улыбкой, ее уже «снимают». Вино, ресторан. Если бы она хотела сегодня тусануться с парнем «от» и «до», то проблемы, чем занять свободное время, не воз-

никло бы. Как все, оказывается, просто. Особенно если ты почти взрослая женщина. Причем не лишенная радующей мужской взгляд внешности.

Девушка снова взяла в руки пластиковую палочку и написала: «Очень приятно, Сережа, но у меня несколько иные планы. Извини».

– Ладно, чего уж там, – прочитав, таксист сразу заскучал. Не удержавшись, добавил с толикой раздражения: – Скромные труженики баранки не про нашу персону. Так, что ли, малышка?

Вместо ответа Алена лишь неопределенно пожала плечами: понимай как хочешь. И отвернулась к окну. Попыток выведать у нее хотя бы номер телефона таксист не предпринимал и угрюмо уткнулся взглядом в лобовое стекло бегущей по улицам Питера «Волги».

– Приехали, – глухо сообщил он, когда машина остановилась напротив оживленного сквера, раскинувшегося на площади у Казанского собора. – С вас сто рублей, сударыня.

Алена убрала в сумочку блокнот, достала столларовую купюру и протянула ее парню. Увидев зеленую бумажку, тот недовольно нахмурился, покачал головой и пробурчал:

– Я не банк, валюту не меняю. Впрочем... – достал бумажник, бегло прикинул наличность, – если тебя устроит по двадцать пять рублей за бакс, то можно и замешать. Или за твой счет едем к обменнику. Здесь недалеко.

Алена покачала головой. Не надо никуда ехать.

– Ну, тогда держи, – забрав баксы, таксист с излишней поспешностью протянул Алене пачку мятых «деревянных». – В расчете...

Она едва не упала, лишь в последний момент отпустив дверную ручку, когда неудавшийся ухажер демонстративно рано ударил по газам и рывком бросил взревевшую мотором машину вперед по Невскому. Вот скотина!

Интуитивно заподозрив неладное, девушка пересчитала деньги. Так и есть, даже по столь грабительскому курсу блондин Сережа обманул ее на полторы сотни. Ну и флаг ему в руки. Если он оценивает свою совесть в шесть баксов, медицина здесь бессильна.

Алена огляделась. Вокруг нее кипела жизнь огромного мегаполиса. Неслись по проспекту машины, шли люди, в сквере играли и смеялись, гоняясь друг за другом, веселые малыши, мальчик и девочка, на скамейке курили и о чем– то разговаривали их молодые, хорошо одетые мамы. Чуть в стороне стоял у переносной витрины с фотографиями бородатый парень в джинсовке с висящим на груди «Полароидом» и на ломаном английском уговаривал парочку иностранных туристов запечатлеть себя на фоне величественной достопримечательности Северной столицы. Возле колонн собора неспешно попивали пиво несколько одетых в проклепанную кожу лохматых байкеров, тут же стояли сверкающие хромированными деталями мотоциклы. На противоположной стороне Невского, позвякивая бубнами и распевая что-то про «харе раму», под любопытными взглядами прохожих двигалась целая процессия закутанных в оранжевые и белые сари кришнаитов.

Ну вот она и на свободе. Совершенно одна. Иди куда глаза глядят и делай все, что пожелает истосковавшаяся от недостатка общения душа. Интересно, а чего она действительно желает?

Прислушавшись к своим ощущениям, Алена вдруг поняла, что прежде всего она хочет съесть что-нибудь легкое и выпить чашечку кофе в тихой, спокойной обстановке. После побега от Тимура и общения с таксистом Сережей ее слегка взвинченная нервная система явно нуждалась в короткой передышке. А заодно можно и подумать, как с интересом провести сегодняшний день и вечер. Часы показывали всего половину третьего. Возвращаться домой раньше десяти Алена вовсе не собиралась.

Совсем рядом, возле храма Спаса на Крови, находился уютный ресторан «Санкт-Петербург», где несколько лет назад она, еще девочка, однажды обедала вместе с родителями. Еще ближе виднелось весьма популярное у праздношатающейся по проспекту обеспеченной пуб-

лики и клерков из ближайших офисов бистро «Лайма». В нем Алена тоже побывала примерно полгода назад, заскочив туда из любопытства во время похода по магазинам вместе с телохранителем Антоном. Еда оказалась вкусной, но обстановка оставляла желать лучшего. Плюс – галдящая, чавкающая толпа.

Все не то. Надо поискать что-то новое. И где поменьше людей.

Недолго думая, Алена направилась в сторону Дворцовой площади и совсем скоро заметила небольшой, показавшийся ей вполне респектабельным ресторан. Сквозь неплотно задернутые зеленые с бахромой шторы на окнах было видно, что посетителей внутри почти нет, а обстановка выглядела роскошно.

Возле двери Алenu встретил шкафоподобный секьюрити и, поприветствовав, «передал» клиентку услужливо пригласившей ее в зал официантке в униформе – белой блузке и черной мини-юбке. Внешний прикид девушки, в сумме тянущий на добрую тысячу баксов, произвел на нее впечатление, это было заметно. Здесь привечали состоятельных клиентов и были им рады.

Алена заняла столик возле окна, достала из сумочки блокнот, бегло просмотрела меню и заказала с помощью электронного экрана кофе со сливками, салат из осьминогов, тарелочку свежих вишен и, совсем неожиданно для себя самой, бокал шампанского. Самого лучшего!

Сегодня ей можно все. Сегодня она одна, сегодня она вольна делать любые глупости! В пределах разумного, конечно...

На привинченной к стене подставке стоял телевизор. Шел фильм. Это были знакомые Алене от первого до последнего кадра «Девять с половиной недель» с очаровательным наглцом Микки Рурком и бесподобной Ким в главных ролях. Неужели у нее от рождения такие губы? Или все-таки не обошлось без вмешательства пластического хирурга?..

Шампанское показалось Алене с непривычки весьма крепким. Девушка быстро почувствовала, как не оставлявшее ее после побега нервное напряжение куда-то исчезло, а на душе стало так приторно-хорошо, как еще не бывало ни разу в жизни. Хотелось улыбаться всем окружающим и получать в ответ такие же безмятежные улыбки. Хотелось расправить крылья и полететь. Хотелось общаться с понимающим тебя, давно знакомым человеком и поделиться с ним своей радостью!

Только где его взять, этого человека? Да еще старого знакомого...

Фильм прервали на рекламу – оказывается, это был не видик, а один из местных телеканалов. На экране замелькали замысловатые картинки, потом появился улыбающийся тинейджер в надетой козырьком назад бейсболке, широченной майке и огромных, на два размера больше требуемого, длинных джинсах, из-под которых торчали носки белых спортивных тапок с развязанными шнурками. Мальчишка очень смахивал на популярного в последнее время певца. «Моя мама варит классно. Подождем мою маму? Будем ждать, твою мать!»

Однако пацан вещал совсем о другом: «Эй, приятель! Если ты, как и я, настоящий фанат Интернета, но у тебя нет подключенного к Мировой паутине компьютера, не тормози, приходи в клуб «Наутилус»! За смешные бабки здесь ты сможешь в любое время дня и ночи ползать по сети сколько угодно, и для этого совсем не надо покупать дорогой навороченный пентиум и модем! Запомни адрес: улица Бестужева, дом двенадцать. Круглосуточно! До встречи в «Наутилусе»!»

Алену словно обдало горячей волной. В груди что-то шевельнулось. Она внезапно вспомнила про Алексея. Про их знакомство через Интернет, про заочный обмен длинными, открытыми письмами, про его предложение встретиться и ее отказ, закончившийся коротким признанием: «Я люблю тебя. Не пиши мне больше, хорошо? Прощай...»

А он продолжал присылать на ее компьютер свои сообщения вот уже долгое время, хотя она так ни разу и не ответила. Алексей знал, что Алена читает его письма, и, наверное, верил, что однажды девушка не выдержит и снова напишет ему: «Привет, Леша! Это я».

– Что-нибудь еще желаете? – Возле столика словно из-под земли выросла приветливо улыбающаяся официантка.

Алена бросила в рот последнюю вишню, взяла блокнот и написала: «Принесите немного клубники и еще шампанского, пожалуйста. И пачку самых легких дамских сигарет с зажигалкой». Официантка, прочитав, кивнула, забрала посуду и удалилась.

Мамочка, что же она делает?! Ведь она не курит!

Ах, Леха, Леха, Леха... Милый. Что же нам с тобой делать? Ведь у нас нет ни единого шанса. Разве что сегодня. Если она поедет в этот чертов «Наутилус» и отправит ему на компьютер сообщение, а он его вовремя прочитает...

Официантка принесла хрустальную вазочку с клубникой, бокал искрящегося пузырьками шампанского, пачку длинных сигарет «Вог» и зажигалку.

Алена пригубила шампанское, не спеша, словно делала это много раз раньше, распечатала пачку, сжала губами сигарету и щелкнула зажигалкой, осторожно втягивая воздух. Оранжевый огонек заплясал на кончике тонкой белой палочки. Первые несколько затяжек она сделала «по-детски», не вдыхая дым в легкие. Потом попыталась вдохнуть, совсем чуть-чуть... Получилось. Правда, стоило огромных трудов сдержаться и не закашлять. В этом Алене помогли присевшие за столик невдалеке пожилые кавказцы в дорогих костюмах. С первых секунд появления в ресторане они так откровенно пялились на одиноко сидящую юную девушку, что Алене стало стыдно демонстрировать этим аксакалам свое полное неумение курить. Со стороны это, наверное, выглядело очень смешно. Сигареты купила, а курить не умеет. Вот дуреха!

Когда стало получаться, Алена обрадовалась. Если слишком глубоко не затягиваться, кашлять не хочется. Только в голове появился туман и стало слегка покачивать, как на теплоходе во время их прошлогодней семейной поездки в Стокгольм.

Второй бокал шампанского, к удивлению Алены, опустел значительно быстрее первого. Что ж, пожалуй, с алкоголем пора завязывать.

К столику кавказцев подошла официантка, о чем-то некоторое время шепталась с ними, а потом, мельком взглянув на Алену, удалилась, цокая каблучками. И очень быстро вернулась в зал, неся огромный букет алых роз на длинных стеблях, завернутый в прозрачный целлофан и перевязанный ленточкой.

Кругом джентльмены! Здравствуйте.

– Это вам от господ за соседним столиком! – положив цветы на Аленин столик и нагнувшись к ее уху, с видом заговорщицы прошептала официантка. – Они приглашают вас присоединиться к ним. Очень просят.

Девушка подвинула к себе блокнот и написала: «Принесите счет, пожалуйста. И закажите мне такси».

– Одну минутку, – пропела официантка и упорхнула. Алена видела, как, проходя мимо выжидательно вывернувших шеи кавказцев, она скривила губы и кивнула в сторону выхода. Мол, облом, генацвале, уходит красавица.

Вскоре официантка вернулась со счетом на тарелочке и сообщила, что такси ждет у входа в ресторан. Алена расплатилась, не забыв про чаевые. Поколебавшись секунду, спрятала сигареты и зажигалку в сумочку и направилась к выходу. Красивый букет роз остался лежать на столе рядом с пустым бокалом и последней клубничкой.

Уже в дверях ее догнал один из кавказцев с букетом и бережно взял за локоть:

– Слушай, дэвушка, зачэм нас так обыжаешь, а? Ми что, звэры, нэ понимаем... Возми, пожалуйста!

Алена улыбнулась, вздохнула и согласно опустила веки. Видя, что почтенный аксакал, который вблизи оказался не таким уж и старым, лет около пятидесяти, топчется и не уходит,

уже заметно захмелевшая от шампанского и сигарет девушка взяла цветы, быстро чмокнула мужчину в щеку и юркнула в такси.

Довольно покрутив ус, кавказец помахал вслед Алене рукой, развернулся и, гордо выпятив живот, вразвалочку вернулся назад в ресторан.

Клуб «Наутилус» по интерьеру – разрисованные под граффити стены и светильники в виде летающих тарелок – оказался очень похож на зал игровых автоматов, с той лишь разницей, что вместо «одноруких бандитов», «пинбола» и «суперпокера» здесь стояло несколько десятков отделенных друг от друга перегородками компьютеров и офисных стульев. Примерно половина мест была занята фанатами Всемирной паутины, в основном прыщавыми подростками, самозабвенно вскрывающими эротические файлы и играющими в трехмерные, с восхитительной графикой и шумовым сопровождением, игры. Лишь несколько очкариков, сосредоточенно уткнувшись в мониторы и обложившись книжками и тетрадками, работали с текстами и графическими схемами.

Заплатив администратору действительно смешную, равную всего одному доллару, сумму за час пользования Интернетом, Алена села на свободное место, по памяти вышла на персональный адрес Алексея и быстро настучала короткое письмо:

«Леша! Привет, это я. Я в городе, без охраны, и у меня масса свободного времени. Если хочешь встретиться, подходи к Медному всаднику в пять. Или, если не сможешь, тогда в семь вечера. Целую в щечку. Алена.

P.S. Узнать меня несложно – по светящемуся от счастья лицу и бежевому брючному костюму. Бай-бай».

Отправив письмо, Алена поднялась из-за компьютера и под хищными взглядами взрослых мальчишек покинула Интернет-клуб.

До пяти оставался еще целый час, и она решила прогуляться вдоль набережной Невы. Обнаружив пристань для катеров и ведущие к самой воде ступеньки, Алена спустилась и присела, словно зачарованная наблюдая, как свинцовые воды могучей быстрой реки плавными крупными волнами облизывают со звучным чавканьем рукотворные отвесные берега, а особо сильные и непримиримые разбиваются при ударе о серый гранит на тысячи сверкающих брызг и, побежденные, вспененные, откатываются назад.

«Ариэль», без замачивания, – вспомнила Алена, глядя на хлопья пены. – Идеально чисто».

Совсем рядом с ней приземлились две чайки и, косясь хитрыми черными глазами, стали кланчить что-нибудь вкусненькое. Так и не дождавшись угощения, «морские вороны» вскоре улетели, и Алена снова осталась одна.

Оказалось, что это восхитительно – просто вот так сидеть, обхватив руками колени, и, не шевелясь, смотреть на воду, чувствуя, как свежий ветер ласково гладит лицо. Море, огромное, бескрайнее, соленое, никогда не вызывало в Алене подобных ощущений, а вот Нева покорила. Или... сегодня просто такой день, особенный? Может быть.

Хмель от игристого шампанского уже почти исчез, и когда Алена попробовала снова закурить, табачный дым показался ей горьким и противным.

Без пяти минут пять сбежавшая из-под опеки телохранителя дочь крестного отца встала и направилась к видневшемуся чуть правее, через дорогу, Медному всаднику. Букет роскошных роз она, вздохнув с сожалением, оставила на гранитных ступеньках. Идти на первое свидание с парнем с цветами, подаренными другим мужчиной, было по меньшей мере смешно...

Алена была уверена, что, получив приглашение на свидание, Леша обязательно придет. Примчится, прилетит на крыльях – тех самых, которые заставляли его присылать все новые и новые письма, несмотря на отсутствие ответов.

Но девушка понимала: шанс, что он так быстро обнаружит в своем компьютерном почтовом ящике ее неожиданное послание и успеет к пяти примчаться к месту встречи, был мини-

мальным. Иное дело – в семь. Хотя... Леша, как он сам сообщил в одном из своих давних писем, работал в солидной охранной фирме и вполне мог сейчас находиться на дежурстве. Короче говоря, Алена не теряла надежды сегодня, в этот замечательный день, встретить давнего друга. Единственного в ее жизни парня, которому, очарованная откровенными и очень добрыми письмами, она заочно призналась в любви. Как мило. Какая чудесная сказка!

И не страшно ей вот так, одним махом, ставить на этой романтической истории жирный крест? Страшно, еще как страшно. Но когда тебе всего шестнадцать, еще так хочется верить, что в реальной жизни все может получиться столь же красиво, как в мечтах или в письмах...

Девушка прождала Лешу пятнадцать минут и, расстроенная, ушла. Долгих полтора часа она бродила по городу. Сначала ей было тоскливо, но она утешала себя, доказывая, что к пяти часам Алексей никак не мог успеть. Совсем другое дело – в семь!

Но в семь он тоже не появился. Алена, первые полчаса поникшая и печальная, а затем – невероятно обиженная на саму себя за наивные сиюминутные порывы, побудившие отправить приглашение на свидание, безрезультатно прождала Алексея почти до девяти вечера.

То есть в общей сложности около четырех часов!

Когда терпение еще совсем недавно счастливой и улыбающейся встречным прохожим девушки окончательно иссякло, а на глаза – вот так новость! – вдруг при виде обнимающейся парочки неожиданно навернулись предательские слезинки, Алена поняла, что сегодняшней вечер безнадежно испорчен. Больше всего на свете ей сейчас хотелось оказаться дома, в Озерках, закрыться в своей комнате со скошенным мансардным окном, лечь на кровать, уткнуться лицом в подушку и не видеть и не слышать никого хотя бы до завтрашнего утра. Справедливо решив, что хватит с нее приключений, девушка смахнула покотившуюся по пылающей щеке слезинку, сорвалась с проклятого пяточка возле Медного всадника, подбежала к набережной и призывно взмахнула рукой, останавливая первый попавшийся автомобиль.

Спустя секунду рядом с Аленой, моргая поворотником, остановилась пропыленная «девятка» цвета «мокрый асфальт» с тонированными до черноты стеклами. Это был частный автомобиль, а не зеленоглазое такси, но расстроенная девушка не придавала этому значения, лишь мельком подумав, что за хорошие деньги любой водитель отвезет ее домой без малейших колебаний.

Распахнув заднюю дверь, Алена упала на свободное бархатное сиденье. И лишь когда «девятка» резво тронулась с места, посмотрела на двух мужчин, сидевших впереди.

– Куда тебе, малышка? – обернувшись через плечо и внимательно оглядев торопливо расстегивающую сумочку Алenu, спросил квадратный амбал с пухлыми телячьими губами, развалившийся рядом с водителем, сухопарым высоким очкариком.

Алена достала блокнот и написала: «Если можно, в Озерки, побыстрее! Я заплачу сколько скажете». Далее она указала адрес.

– Глухонемая, что ли? – нахмурив брови, нагло уточнил битюг.

Девушка отрицательно качнула головой и указала на горло. Простыла.

– А-а, – протянул амбал и вопросительно посмотрел на водителя. – Ну что, Артур, подбросим барышню до самого дома? Видишь, торопится очень...

– Почему же не подбросить, – пожал плечами чернявый очкарик, сворачивая на мост. – Особенно когда пассажирка такая щедрая попалась. Главное, чтобы тачка не забарахлила, что-то мне звук у движка не нравится.

– Доедем, не волнуйся, – понимающе ухмыльнувшись, излишне театральным жестом успокоил долговязого водилу амбал и, оглянувшись, еще раз сквозь прищур оглядел устроившуюся в уголке сиденья, у самой двери, молодую, хорошо одетую и очень сексуальную милашку.

На ловца и зверь бежит. Сегодня им опять повезло. Правда, эта совсем еще молоденькая смазливая шкурка отнюдь не шлюха, за которыми они охотились, ну так ведь это, если разо-

браться, даже лучше! Групповое изнасилование девственницы! Без подставы и бутафории! За такой сюжет похотливые чухонские свиньи отвалят жирный кусок! Фильм получится что надо. А обломать хрупкую испуганную малолетку – так это вообще не проблема. Им, профессиональным охотникам за порнорабами, не привыкать.

Глава 8

В этот роковой для многих питерских бандитов день серьезные проблемы с вооруженным наездом конкурентов возникли не только в вотчине криминального патриарха Тихого. В группировке Саши Мальцева все произошло по тому же самому сценарию. И неудивительно, ведь у спешно спланированной гангстерской войны был один режиссер – Новгородский Бык. Спасая заработанные на крысачьем кидке полмиллиона баксов и собственную задницу, фиксатый бригадир пошел на неслыханную авантюру, столкнув лбами двух матерых хищников.

Команда из четырех верных Быку сопляков, о существовании которой не знал даже пригревший бешеного чужака в Питере авторитет Петрович, поработала на славу!

Сразу после мамаевых набегов на подшефные старику компьютерный салон и автостоянку, балдея от ощущения собственной значимости, пацаны по приказу фиксатого бригадира не только обстреляли из «калашникова» коттедж Тихого, но и навели изрядный шухер в паре прибыльных магазинов, со дня своего открытия исправно отстегивавших долю их собственной, мальцевской, группировке. Впрочем, малолетние новоиспеченные братки об этом даже не догадывались. Они, получив от своего бесстрашного и жутко крутого бригадира целый арсенал, лишь в точности выполнили его приказ. Ибо по голливудским фильмам знали, что распоряжения старшего в мафии не обсуждаются, а с теми, кто идет против воли пахана, обязательно случается уйма всяких неприятностей. Непременно с летальным исходом.

Мальчики очень любили смотреть видики. А ввиду отсутствия личного опыта и столь необходимых для мыслительного процесса глубоких извилин на гладком, как яйцо, маленьком мозге ребятишки всячески подражали лихим героям. Для них, едва научившихся клацать зубами щенков, Новгородский Бык являлся единственным непререкаемым авторитетом. Для того чтобы успешно пройти полугодовой испытательный срок и стать полноправными членами сообщества братков, выросшие и оперившиеся в смутных девяностых отморозки готовы были на любую жестокость.

Во время шумного, с криками, угрозами и мордобоем, визита ко второй паре барыг ребятишки грозно сообщили испуганным терпилам, что они, в натуре, клали болт на их крышу и отныне коммерсанты будут первого числа каждого месяца платить дань только Тихому...

Известие о перчатке вызова, внагиляк брошенной ему старым пердуном, застало Александра Петровича в ресторане, прямо в разгар веселого свадебного банкета, на котором в числе прочих тем обсуждался и внезапный отъезд Тихого из храма. Все, кроме брачующегося с троюродной (а не с двоюродной, как ляпнули омоновцы) сестрой Пузыря, были в курсе, что перед спешным отъездом на мобилу Степанычу позвонили и сообщили некое известие, от которого разменявший восьмой десяток годков криминальный дедушка едва не «вышел в астрал». Значит, базарили гости, у Тихого возникли непредвиденные заморочки. Столь стремные, что их решение не могло ждать и его никак нельзя было возложить на преданную старику кодлу Бульдога. А раз так, справедливо заметили «авторитетные люди», дело пахло керосином. Достоверной информации, что же на самом деле произошло, ни у одного из присутствующих не было. Все лишь строили догадки. А особо нетерпеливые, как выяснилось, принялись прямо после венчания в спешном порядке хватать мобильники и связываться со знакомыми пацанами из окружения Степаныча. Те, получив инструкции от Бульдога, хранили гробовое молчание. Напряжение нагнеталось час от часу.

И тут как снег на голову вдруг пришло известие от Новгородского Быка: братки Тихого жестко наехали на коммерсантов Мальцева, а до кучи обстреляли из автомата машину его гражданской жены Вероники! Слава богу, она осталась жива, отделалась лишь психическим шоком. Предчувствуя возможный расклад, Петрович загодя прикрыл слабое место и позаботился, чтобы Веронике изготовили в Германии такой же, как у него, бронированный «шести-

сотый» «мерс», но до сих пор держал этот факт в тайне. (Впрочем, и об этом факте, как и об обстреле виллы Тихого, уважаемые гости узнали несколько позже...)

А пока, выслушав сбивчивый, состоявший на три четверти из отборного русского мата монолог фиксатого бригадира, Александр Петрович едва не зарычал от злости. Ведь с момента его короткого разговора со стариканом прошло всего несколько часов! А тот, падла, даже словом не обмолвился, не сделал ни одной предьявы, и вдруг такой смачный плевок в лицо!

Что за дерьмо, в натуре?! Он хоть представляет себе, мумия ходячая, пес шелудивый, на кого вздумал лаять и от чьего куска жрать?!

Александр Петрович был мужик не только сильный, морально и физически, но и умный. Одно слово – авторитет. Во время разговора слушал молча и все свои клокочущие эмоции держал в себе, хоть это было очень трудно – так поразила и огорчила его дерзкая выходка старика. Не сказав никому из братвы ни слова, Петрович подошел к Пузырю, извинился, сослался на необходимость срочно встретиться с нужным человеком и, сопровождаемый личной охраной, без суеты покинул ресторан, стараясь не привлекать ненужного внимания. Удалось. Благо к тому времени добрая половина приглашенных на свадьбу уже находилась в такой стадии изумления, что пронять их можно было разве что известием о внезапном визите отряда быстрого реагирования питерского ГУВД.

Волю чувствам Мальцев дал уже в своем «шестисотом» «Мерседесе», по дороге в офис.

– В пыль сотру! На хуй надену и порву, как резиновую куклу! Вот гнида! – и все прочее в таком же примерно духе.

Однако, едва выпустив давивший на мозги и мешавший рационально мыслить ядовитый пар, Александр Петрович не стал торопиться с объявлением в группировке военного положения и поднимать в ружье две сотни боевиков, а призадумался о причине, вынудившей люто презирающего беспредельщиков, уважающего бандитские понятия Тихого пойти на такой самоубийственный шаг. Быть такого не может, чтобы дряхлеющий старикан, которому и без участия киллера осталось пройти три шага до могилы, вдруг внезапно настолько тронулся умом, что возжелал стать единоличным хозяином города и со ржавой казачьей шашкой бесстрашно бросился на тяжелый танк. Значит, прикидывал Петрович, причина агрессии должна быть ну о-очень убедительной...

Неужели... старый хрыч каким-то неведомым образом разнохал про готовящуюся встречу с Пузырем и Джафдетом?

Александр Петрович рукавом модного пиджака в мелкую клетку вытер испарину со лба, расстегнул две пуговицы на рубашке и в изнеможении откинулся на спинку сиденья, на миг прикрыв глаза.

Похоже, что дело обстояло именно так. Плохо, очень плохо. Выходит, кто-то из ближайшего окружения – Стас Слон, Леха Реаниматор или Владик Зверь – его сдал. Только они трое знали о назначенной на будущий понедельник тайной встрече. На ней он, Саша Мальцев, собирался предложить двум другим бандитским авторитетам объединить на время свои силы, дабы предьявить дряхлеющему Степаньчу ультиматум и заставить его выйти из игры. Конечно, пацаны могут задавить ветерана и без посторонней помощи. Только зачем бряцать оружием, если можно просто напугать огромной, десятикратно превосходящей возможности Тихого мощью? Так дешевле и проще. А прямо на встрече, так сказать, не отходя от кассы, можно заочно поделить между концессионерами маленькую, но весьма доходную империю дедушки и скоординировать свои действия на случай силового решения проблемы. Хотя такое вряд ли возможно, ведь не самоубийца же Белов в конце-то концов. Должен понимать, что поезд ушел и пора отправляться на заслуженную пенсию. Не только живым и здоровым, что уже большое счастье в его положении, но и с великодушно оставленным кусочком в виде пары-тройки фирм, способным обеспечить достойную старость, но не оставляющим ни единого шанса помышлять о возвращении в «большую политику». Фактически от Пузыря и Джафдета

в обмен на двадцать пять процентов захваченной империи каждому требовалась поддержка только на словах! Тихий не стал бы нарываться на верную гибель, сломался бы, как пить дать.

Эх, как красиво все получалось...

Победа без единого выстрела над Тихим и захват лишь половины его владений, только по приблизительным подсчетам Петровича, давали ему пять миллионов баксов в год!

Но каким-то чудом старый волчара прознал о зреющем против него заговоре и успел нанести удар первым. Не исключено, что предварительно он заручился поддержкой какой-нибудь из конкурирующих группировок. Беспредельщиков вроде Кислого или Шакала.

В этом случае ему, Мальцеву, одному, без Пузыря и Джафдета, придется схватиться с куда более мощной, чем планировалось, противостоящей силой. И кто знает, какими потерями, людскими и финансовыми, чревата такая война. Это уже совсем другой расклад. Хреновый, хуже не придумать!

Александр Петрович открыл глаза, тупо посмотрел в потолок «Мерседеса» и прикусил губу.

Однако о чем это он?! Поздно пить боржоми, когда почки уже отвалились. Время, увы, не тикает вспять. Когда тебе дали по роже и появилась первая кровь, некогда искать союзников. Нужно отвечать, и как можно жестче. Только это далеко не все.

Надо во что бы то ни стало вычислить, кто из троих – Слон, Реаниматор или Зверь – сдал его старику и втравил в такой тухлый блудняк с непредсказуемыми последствиями. Круг очень узкий, найти предателя будет не слишком сложно. Вычислять крыс мы давно уже обучены.

И наконец, последнее. Он, Мальцев, в отличие от многих других авторитетов, всегда знал меру и без крайней нужды никогда не злоупотреблял садистскими приемчиками. Но сейчас особый случай. Такой бывает всего один– два раза в жизни. Поэтому, когда станет известно имя предателя, казнь этого рваного гондона пройдет публично и с особой, неслыханной до сих пор жестокостью! Чтобы пацаны запомнили и другим, кто на смену придет, передали: играть с ним, Сашей Мальцевым, краплеными картами и страшно, и больно, и опасно для жизни.

Глава 9

День для Реаниматора и его бригады пролетел незаметно и без осложнений. Прошли те времена, когда нагулявшие первый жирок барыги проявляли упорство, не желая расставаться с деньгами. Сейчас долю отстегивали все, молча и без соплей. К тому же Леха, никогда не имевший репутации беспредельщика, сумел установить с подшефными ему коммерсантами почти дружеский контакт. Входя в офис или магазин, всегда благодушно улыбался, прежде всего здоровался за руку, словно невзначай интересовался, как семья, как дети, терпеливо выслушивал подчас долгий и подробный ответ, а до кучи не брезговал пропустить за компанию с барыгой стопарик-другой предложенного коньячку. Сам деньги в руки не брал, перепоручая эту обязанность сопровождающему пехотинцу с габаритами борца сумо. Так что у плативших дань предпринимателей при виде скуластого лица бригадира не возникало ступора, не дрожали коленки, а скорее наоборот. Многие барыги, Реаниматор знал это точно, считали его почти что корешем и даже регулярно хвастались перед другими коммерсантами, насколько «человеческие» отношения у них сложились с крышей. Одним словом, Лехе удалось установить такой иллюзорный уровень доверия между ним и опекаемыми бизнесменами, когда те расставались с деньгами если не с радостью, то совершенно спокойно. И уж тем более ни один из коммерсантов даже не помышлял о визите на Литейный. Не потому, что боялся возмездия, а потому, что знал: платить за крышу все равно придется. Если не бандитам, то ментам. Так не лучше ли делать это с улыбкой, втайне гордясь тем, что тебе, счастливчику, повезло среди страшной и кровожадной братвы встретить нормального пацана, с которым можно и за жизнь побазарить, и накатить по чуть-чуть, и, не таясь, поделиться тем, что за месяц на душе накопело. А потом услышать нормальный ответ...

Хитрая штука психология!

Однако, несмотря на видимое спокойствие, весь этот бесконечный день Леха, мотавшийся от точки к точке и принимавший лавы, думал только о предстоящем визите в студию. Да и пацаны, судя по напряженным лицам, излишне суетливым движениям и нетерпеливым фразам, недалеко ушли в своих мыслях от бригадира. Что, в общем, неудивительно – не каждый день готовишься к налету на столь экзотическую, охраняемую крепкими вооруженными амбалами сучью контору. Риск нарваться на пудовый кулак или пулю, что и говорить, был велик, но это – дело обычное. Да и сами они, мягко говоря, неробкого десятка. И не такое видали. В любом случае подпольную порношарагу в Русско-Высоцком, неизвестно под кем работающую вот уже два года, однозначно следовало брать сегодня же, нахрапом, быстро и жестко. Сперва гасить каждого, кто окажет сопротивление, а уже после разбираться, что к чему...

Закончив со сбором дани, Лобастый, Верзила и Реаниматор, как обычно, в конце маршрута завернули в офис неприметного с виду, но охраняемого не хуже банка рекламного агентства «Планета», расположенного на одном из верхних этажей административной высотки на Ленинском проспекте. Верзила и Лобастый остались в тачке, а бригадир Леха поднялся в офис, небрежно неся в руке обычный с виду пластиковый пакет, наполовину загруженный наличными рублями и баксами.

Пересчитав деньги и сверив итоговую сумму с информацией в компьютере, сухонький, немногословный, но всегда улыбчивый бухгалтер Николай Николаевич довольно кивнул, отслонявил часть от лежавшей перед ним на столе денежной кучи и вернул ее Лехе со словами:

– Отдыхайте, ребята.

– Пока, Николаич, – пряча купюры в барсетку, Леха пожал всегда прохладную и влажную руку счетовода группировки, покинул офис и вернулся в поджидавший его внизу, на стоянке, джип «БМВ». Внедорожник сразу сорвался с места.

– Значит, так, – раздав деньги и окинув взглядом Лобастого и Верзилу, задумчиво произнес Реаниматор, – сейчас заедем в магазин «секонд-хенд» и прикупим шмотья на прикид, включая обувь. Боюсь, пацаны, ничего похожего у нас дома не найдется, а здесь главное – натуральность образа. Потом берем в ларьке литровый бутылец паленой водяры и гоним в поселок. Обливаемся сами, для запаха полощем рот, прикидываемся бухариками и, едва держась на ногах, начинаем ломиться в дверь коттеджа. С трехэтажными матюками. Типа, суки, открывайте, куда Нинку-шалаву подевали. Всем в табло и в таком духе. Усекаете?

– Нормальный ход! Ха-ха! – понимающе приснул Лобастый, представив себе в деталях столь красочную картину.

– Лажа. А если не откроют? – двигая челюстями и усиленно спасаясь от исподволь подкрадывающегося к зубам грозного кариеса, недовольно буркнул Верзила. В его понимании весь задуманный бригадиром маскарад был сплошным геморроем. Куда проще без лишних понтов шархнуть по входной двери из помповика крупным калибром, разнести ее на куски и затем спокойно войти в дом, поставив всех раком. Просто и эффективно.

– Если не откроют, швырнем в окно бутылку и кирпичом добавим, – вздохнув и с холодным прищуром глянув на Верзилу как на дауна в пятом поколении, терпеливо пояснил Леха. – Никуда не денутся. Мы кто такие для них? Бухарики местные, голытьба. Ужрались и ринулись на подвиги. Даже рады будут, твари, что есть возможность кости размять.

– А-а, вроде догнал...

– Жаль только, что голова в банку с огурцами не влезает, – не поворачиваясь к Верзиле, ухмыльнулся Лобастый.

– Че-го?! – не понял битюг, на секунду даже прекратив жевать. Сработал основной защитный рефлекс всех отморозков: если что-то неясно и есть подозрение, что над тобой шутят, вначале надо бить в рожу, а уже потом выяснять. Громила сжал кулаки и угрожающе подался вперед.

– Ничего, Васек, это я так, старый анекдот вспомнил, – мельком зыркнув на смеющегося одними глазами Реаниматора, примирительным тоном ответил Лобастый. – Ты чавкай, в натуре, не отвлекайся!

Поколебавшись немного, Верзила промычал нечто непереводимое, разжал кулаки и нанес новый сокрушительный удар мятным «Орбитом» по кариесу.

– Я встану у двери, вы подстрахуете, – как ни в чем не бывало продолжал излагать диспозицию Леха. – Пушки держать наготове. Как только охранник появится, врываемся в коттедж. Дальше – по обстоятельствам. Стрелять только в крайнем случае. Тебя касается, Верзила.

– Ладно, – чавкая, лениво процедил браток. – Не пальцем деланный.

– Хоботом, – вновь не удержался от подколки в адрес олигофрена Лобастый. – Туда-сюда.

– Сейчас я кому-то свой хобот в рот запихну! – грозно засопел Верзила и ринулся было в наступление.

Реаниматор обернулся, вопросительно приподнял брови. Заткнувшись на полуслове, амбал скривил рожу, снова упал спиной на кожаное сиденье и отвернулся к окну. Бригадир Леха был крутым мужиком, с ним лучше не ссориться. Этот закон браток усвоил в первый день пребывания в группировке. А перемахнуть с бакланом Лобастым можно и после дела...

Найти торгующий подержанным импортным барахлом магазин оказалось несложно. В последние годы блошинных шмоточников открылось – как грязи. Не имея возможности одеваться в дорогие фирменные тряпки, нищий народ-пролетарий ломанулся по барахолкам.

Заметив кустарную рекламную вывеску перед въездом в подворотню, Реаниматор толкнул Лобастого в плечо и указал нужное направление. Сбросив скорость, роскошный джип вильнул вправо, подрезал несущуюся по вызову с мигалкой «Скорую помощь» и лихо свернул в пропахший кошками двор, где остановился возле ведущих в полуподвал ступенек.

Братки спустились вниз, к приоткрытой железной двери, и вошли в крохотный магазин. В нос сразу же шибануло затхлостью и пылью. Кроме двух алкоголического вида мужиков, копающихся, словно в мусорном контейнере, в деревянном ящике с бэушным нижним бельем, в магазинчике никого не было.

Скучающая за школьной партой, заменявшей прилавок, продавщица, лохматая тетка средних лет, оторвалась от «Экспресс-газеты» и со страхом взглянула поверх очков на вошедших в магазин хорошо одетых амбалов. Их внешний вид, взгляд и выражение лиц говорили о профессии лучше любой вывески. Бандит – он и есть бандит. В его колючих, холодных глазах таится нечто особенное, чего нельзя описать словами. То же самое относится и к тертым ментам. По сути, это люди одной закваски, только выбравшие в этой жизни прямо противоположные дороги.

– А... а у нас уже есть крыша, ребята, – бросив бульварную газетенку на прилавок, с дрожью в голосе поспешила сообщить тетка остановившемуся напротив нее Реаниматору.

– Это вы мне?! – удивленно спросил Леха, с улыбкой глядя на перепуганную продавщицу. – Не по адресу, мамаша... Мы за одеждой пришли. Покажи вон тот пиджачок, в клетку.

В течение нескольких минут оторопевшая продавщица смотрела, как трое благоухающих дорогим парфюмом, ухоженных громил, превозмогая брезгливость, утопая в клубах пыли и непрерывно подкалывая друг друга, ворочают кучи барахла и примеряют стоптанную обувь, наконец на весы легла охапка тряпья из двух рабочих комбинезонов, пары вытянутых на коленях спортивных штанов, заляпанной едва заметными бурыми пятнами синей футболки и отвратного вида пиджака с короткими рукавами. На прилавок в рядок встали две пары тяжелых кирзовых ботинок с заклепками и пара державшихся на честном слове бесформенных кроссовок. Создавалось впечатление, что в отличие от всех остальных посетителей странные мужики выбирали из всего импортного барахла самое худшее. Вот так номер...

– С вас сто семь рублей, за все, – чужим голосом прохрипела продавщица.

– Возьми, мать. – Лобастый бросил на крашеную парту несколько бумажек и мелочь. – Спасибо. Сунь все тряпье в пакет.

– Вам спасибо, – торопливо поблагодарила тетка, спрятала деньги в поясную сумочку-кенгурятник и, не в силах больше терпеть, наконец решила: – Простите за любопытство, но... зачем вам, таким солидным мужчинам, весь этот хлам? Если не секрет, конечно.

– Мы актеры, – не моргнув глазом, ответил Реаниматор. – Реквизит для фильма подбираем.

– Да ну?! А что за фильм-то?! – поинтересовалась продавщица, мысленно уже прикидывая, как сегодня вечером, на коммунальной кухне, расскажет о визите в заправдашних артистов своей соседке, дворничихе Клавке. Та, мырма, просто сдохнет от зависти!

– Сериал. «Улицы разбитых фонарей», – с трудом удерживаясь от того, чтобы не прыснуть со смеху, поспешил вставить Лобастый. – Видели, наверно, по телевизору.

– А как же! Все серии! – всплеснула руками тетка. – Ларин, Казанова... Только вас вот что-то не припомню...

– А мы со следующей серии появимся, – громко скрипнув единственной извилиной в мозгу и проявив чудеса искрометного юмора, с гоголом добавил Верзила. И тут же повернулся к Реаниматору и грохнул: – Верно, братва?! Гы-гы!

Лехе снова захотелось разбить этому дебильному придурку рожу. Разумеется, он сдержался. Взял протянутый продавщицей огромный пластиковый пакет с обносками, вежливо попрощался и первым покинул удушливый полуподвал.

Погрузились в джип, заехали перекусить в бистро, дернули по паре бокалов разливного пива и уже ближе к ночи не спеша поехали в Русско-Высоцкое. Прибыв в поселок, припарковали «БМВ» в тихом месте недалеко от трассы и переоделись. Теперь они походили на

двух работяг и алкаша-селянина. Сообщив Лобастому, где находится нужный дом, Реаниматор отправил его на разведку.

Лобастый вернулся через полчаса и поведал, что в округе тишина, местные в основном торчат по домам, возле коттеджа стоит корейский мини-вэн, а на втором этаже, несмотря на белые ночи, из-за плотно закрытых жалюзи пробивается свет.

– Значит, хозяйева дома, – ухмыльнулся Реаниматор. – Тем хуже для них.

Проверив обойму «ТТ», Леха спрятал пистолет в карман пиджака и еще раз оглядел свой чумовой прикид. Беспорядочная от долгой носки синяя футболка, пиджак с одним оторванным карманом, спортивные штаны и стоптанные кроссовки. Лучше не придумать.

Просидев в джипе еще час и дав возможность поселку окончательно угомониться, братки прополоскали горло купленной по дороге ядерной водярой «Асланов», побрызгали ею на лицо и одежду и, тщательно скрывая друг от друга волнение, покинули тачку.

Едва вынырнули из пролеска на густо застроенную частными домишками улочку, как по-кошачьи мягко ступающий Реаниматор вдруг начал выписывать кренделя, спотыкаться. Глядя на него, Лобастый и Верзила стали делать то же самое. Особенно преуспел в лицедействе Верзила, очень натурально поскользнувшись в придорожной грязи у свинарника и с яростными матами растянувшись посреди шибящей в нос навозом луже.

Когда за поворотом щербатой колдобистой дороги на окраине поселка показался двухэтажный коттедж из белого кирпича, размахивавший полупустой бутылкой расхристанный Леха обнял за плечи шатавшегося из стороны в сторону Лобастого, ткнул пальцем в сторону дома и громко сказал:

– Вон там она, сука, и блядует! Васька сам видел, как заходила!

– А чей это клоповник? – икнув, заплетающимся языком пробормотал Лобастый и посмотрел на бригадира таким натурально-одуревшим от паленого пойла взглядом, что Леха даже хрюкнул от смеха. Вот актер, блин! Талант, похлеще Станиславского.

– Козла какого-то! Дачник, мать его! – злобно процедил Реаниматор, упорно, как бульдозер, двигаясь к цели. Краем глаза поймал бредущего слева «работягу» Верзилу. Глаза амбала сошлись у переносицы, челюсть отвисла, грязный как свинья. То, что требуется. Не подкопаешься.

– Ворюга долбанный, нахапал с трудовых мозолей, виллу себе выстроил! – поддержал Лобастый. – Так мало ему, еще баб чужих трахать захотел! Слышь, Степан?!

– Ну... ик.

– Если Нинка твоя там, мы гондона отхерачим, как бог черепаху, а курятник обольем солярой и подпалим!

– А запросто! – кивнул Реаниматор. Поймав взгляд Верзилы, указал ему пальцем на обренок металлической арматуры в придорожной канаве. – Петюня, а ну-ка прихвати хреновину! Щас мы этому пидору городскому башку-то сшибем!!!

– Это мы всегда, Степа, – явно балдея от прикольного спектакля, амбал нагнулся, подхватил ржавый прут и вслед за Лехой и Лобастым нетвердой, но уверенной поступью разгоряченного спиртным народного мстителя двинулся к ограде коттеджа. – Засветим, только искры брызнут!

Братки разговаривали так громко, что в опустившейся на поселок тишине не услышать их пьяные вопли было невозможно. Исподволь наблюдавший за коттеджем Реаниматор наконец увидел, как в одном из окон второго этажа, за панцирем из закрытых белых жалюзи, промелькнула и исчезла тень. Стало быть, их уже заметили. Очень хорошо. Самое время переходить от слов к делу.

Леха посмотрел на припаркованный прямо перед домом, забрызганный грязью корейский мини-вэн с псковскими номерами, секунду подумал, а потом торопливо всучил Лоба-

стому бутылку с круткой, выхватил у Верзилы железяку, размахнулся и врезал рифленным прутком по лобовому стеклу автомобиля, пьяно и хрипло закричав во все горло:

– Выходи, пидор гнойный! Где Нинка?! Куда ты ее дел, шалаву?! Убью!

Грохот, скрежет, звон, осколки стекла. Красота. Давайте, суки, беситесь...

– Правильно, Степа, так ему, буржую! – весело рявкнул Лобастый и, от души размахнувшись, метнул в окно на втором этаже коттеджа початую бутылку с водярой. Разбившись о фигурную кованую решетку, литровая дура «Асланова» со звоном разлетелась вдребезги, оставив на стекле мокрый благоухающий след и обрывок бело-сине-черной этикетки.

– Эй, хозяин, выглянь на минутку, потолковать надо! – задрал голову, басом рыкнул Верзила. – И Нинку Степкину с собой прихвати!

Пацаны, что и говорить, не подкачали. Реаниматор отшвырнул арматуру и бросился к входной двери, на бегу вытаскивая из пиджака снятый с предохранителя «ТТ». Прижался спиной к холодному кирпичу и затих. Бешеное биение пульса ощущалось каждой клеткой тела, нервы звенели, как струны. Картинка перед глазами ритмично подергивалась в такт гулким ударам сердца.

После такого конкретного наезда трех упившихся колхозников нужно быть полным обсом, чтобы не раскалиться добела от ярости и не ринуться в драку. Вряд ли хозяин коттеджа, чей доходный теневой бизнес оберегали вооруженные громилы, принадлежал к числу толопанцев. Нет, что ни говори, а с ходу, без предупреждения, расколошматить лобовое стекло в минивэне – это круто. За такое дело бедного колхозника, отправившегося на поиски неизвестно где трахающейся жены, могут и покалечить. Окажись на месте возмутителя спокойствия обычный местный бухарик, так бы и вышло, как пить дать...

Но в Русско-Высоцком оказался бригадир Леха Реаниматор с пацанами. И ствол в его руке даже отдаленно не походил на газовую пукалку.

Ждать ответной реакции пришлось от силы полминуты. Бронированная дверь коттеджа с грохотом распахнулась, и на пороге выросли два крепких амбала с красными бульдожьими рожами. Первый, одетый в спортивный костюм, сжимал в грабке «стечкин», в руках что-то дожевывавшего напарника матово поблескивало вороненой сталью помповое ружье. На лицах оторванных от трапезы жлобов, ошалевших от такой наглости обычно зашуганного сельского плебса, без труда читалась жажда пустить алкашам кровь.

– Стоять, черви! – с завидной резвостью вскинув помповик, один из громил мгновенно прицелился в застывшего перед крыльцом Лобастого. В действиях охранника угадывалась выучка опытного стрелка. – На брюхо, бля! Считаю до трех, скоты! Два с половиной...

Облаченные в робы и дубовые ботинки братки, вдруг оказавшись в роли легких мишеней, быстро смекнули, что дело – дрянь, камнем рухнули на тротуарную плитку, которой был замощен двор, и синхронно накрыли головы руками. Регулярные набеги ОМОНа на сауны и кабаки северной столицы приучили бойцов не искушать судьбу.

– Третий где?! – нервно зыркая по сторонам, с едва уловимым чухонским акцентом успел прошипеть белобрысый «спортсмен», но тут сбоку на его голову обрушилось нечто, по весу очень схожее с нью-йоркской статуей Свободы, и рассеянный свет белой питерской ночи сразу померк.словно некто всесильный, живущий на небесах, нажал на выключатель и погасил его.

Реаниматор успел пригнуться на долю секунды раньше, чем отреагировавший и быстро качнувшийся стволом вправо охранник вдавил спусковой крючок «мосберга».

Бабахнуло так, что заложило уши и горячей волной ударило по мозгам. Коротко стриженную макушку Лехи обдало адским жаром, показалось, что с него заживо сняли скальп. В нос шибануло запахом паленых волос.

Но Леха уже был словно вырвавшаяся из механизма сжатая до поры стальная пружина. Уйдя из траектории повторного выстрела, он не мешкая прыгнул вперед, перескочил через

распластавшегося под ногами первого охранника и еще в полете что есть силы врубил тяжелым пистолетом в нос застывшего битюга с ружьем.

Хруст сломанного хряща прозвучал гонгом к окончанию первого раунда поединка. Один —ноль в пользу гостей.

– Встали, живо! – зыркнув через плечо на лежавших смирно братков, прохрипел Реаниматор, нагнулся над рухнувшим с крыльца головой вниз охранником, из расплющенного носяры которого толчками, пузырясь, вытекала на траву алая кровь, подхватил помповуху и, имея в каждой руке по стволу, нырнул в распахнутую настежь дверь.

Сзади уже резво шуршали подошвами, готовя свои пушки к бою, витиевато матерившиеся Лобастый и Верзила.

Из ближайшего к одинокому коттеджу деревянного кособокого сельского домишки внимательно наблюдала за этим театрализованным налетом пара любопытных глаз...

Глава 10

То, что ей угрожает опасность, Алена интуитивно почувствовала, внимательно наблюдая за тем, как хищно переглядываются очкастый водила «девятки» и его попутчик – здоровяк с сальными телячьими губами. А когда автомобиль вдруг свернул с оживленного проспекта в безлюдный переулок, подозрения Алены перешли в уверенность. Едва девушка решила потребовать остановить машину, как чернявый водила тихо выругался сквозь зубы, включил указатель правого поворота, притер тачку к бордюру и с чувством произнес, обращаясь к громиле:

– Чуяла моя задница... Мотор закипел! – дернув за рычажок под рулем, разблокировал капот и открыл дверь.

– Ты ведь на той неделе насос и ремень менял! – фальшиво удивился бугай.

– Может, патрубков протек? – стараясь не смотреть Алене в глаза, пробормотал очкарик, вышел из машины, открыл моторный отсек и склонился над движком. – Ну, так и есть! Хомут лопнул и вентилятор краем пропилил патрубок! – раздался через пару секунд визгливый голос водилы. – Ничего страшного, пять минут – и все будет в ажуре! Слышь, Вован, у меня изоляенты нет. Достань из аптечки лейкопластырь, а из багажника канистру с водой...

– Ща сде, – кряхтя, шкаф вылез наружу.

Алена без лишних объяснений открыла заднюю дверцу и попыталась быстро выскочить из машины, но некстати возникший перед ней в проеме амбал заслонил своей огромной тушей путь к отступлению.

– Ты куда это, дуреха?! – поиграв бровями, удивленно спросил он девушку. – В темпе почимися и довезем тебя до самого подъезда! Только вот аптечку возьму...

И мордovorot потянулся рукой через плечо Алены к заднему стеклу «девятки», где стояла кожаная коробочка с выдавленным поверх красным крестом.

Алена не сразу поняла, что произошло, когда из огромной лапы толстяка ей в лицо вдруг ударила тугая аэрозольная струя. Горло больно обожгло огнем, краски перед глазами поблекли, уступив место размытым черно-белым силуэтам, а звуки в ушах стали быстро удаляться и затухать, как круги на воде от брошенного камня...

В первый раз Алена очнулась от жуткой тряски. Первое, что увидела девушка, с трудом приоткрыв глаза, – качающийся потолок автомобильного салона и тяжелый подбородок сидящего теперь рядом с ней, на заднем сиденье, Вована. Ее голова лежала у амбала на ляжках, и со стороны все выглядело вполне естественно и безобидно – девушка уснула на коленях у парня.

С ужасом поняв, что произошло, Алена попыталась подняться, но крепкие руки битюга, уловившего слабое шевеление пленницы, словно тисками мгновенно сдавили ее тонкую шею:

– Спи, сучка, еще не время зенками хлопать! – злобно выплюнул губошлеп и похожими на сардельки большими пальцами рук надавил Алене на сонную артерию. Девушка, успев за долю секунды похолодеть от страха и мысленно заплакать от отчаяния, снова провалилась в черную бездну.

Второй раз сознание вернулось к Алене резко, молниеносно, когда содрогнувшийся от попавшей в легкие воды организм сжался, дернулся и зашелся в выворачивающем наизнанку кашле. Широко открыв глаза и рывком приняв сидячее положение, кашляющая, мокрая от выплеснутой на голову воды девушка сквозь пляшущие перед глазами темные круги разглядела три довольные, перекосившиеся от хохота мужские рожи. К подонкам из «девятки» – очкарику и губастому – присоединился шкафообразный белобрысый громил в расстегнутом до пупа красном спортивном костюме и кроссовках.

– Ку-ку, шкурка! – оскалился, приблизив откормленную харю к пленнице и крепко ухватив девушку пальцами за подбородок, ублюдок Вован. – Будем знакомиться! Это Артур, его ты уже знаешь, – гад ткнул пальцем в похотливо разглядывающего девушку очкарика, – а это

– Ярри, – кивнул на стоявшего с другой стороны «спортсмена». – Теперь мы твои хозяйева, мочалка, навсегда! Будешь послушной сучкой, сделаешь все, что скажем, будешь жить долго и хорошо! А станешь брыкаться – отхарим во все дырки бутылкой из-под шампанского, прирежем, как свинью, и зароем в выгребной яме сортира! Яволь, шкурка?!

Алена ни жива ни мертва сидела в углу залитого ярким светом просторного гаража, в луже растекшейся по шершавому холодному бетону воды. Тут же стояло пустое пластмассовое ведро. За спинами похитивших ее скотов виднелась та самая злополучная серая «девятка». Судя по налипшей не только на кузове и колесах, но и на стеклах машины свежей грязи, место, куда ее привезли, располагалось далеко за городской чертой. Следовательно, звать на помощь и кричать было бессмысленно. Ухмыляющиеся самцы знали, что делали...

Алена попробовала пошевелить руками, но оказалось, что они крепко связаны за спиной.

– Не рыпайся! Я же ясно сказал: для тебя, соска, сегодня началась другая жизнь! – переглянувшись с очкариком, довольно загоготал присевший напротив Алены на корточки Вован. Воздух колыхнулся. Лицо девушки вдруг обожгла звонкая, хлесткая пощечина. – Скажи мне по секрету, ты еще целка или уже пежишься на полную катушку?! Ебарек есть, я спрашиваю?! Мне ведь и самому проверить недолго! – Вслед за первой последовала вторая унижительная пощечина. Толстопалая рука амбала скользкой гадюкой нырнула за резинку Лениных бежевых брюк и зацепила край трусиков.

– Ты забыл, Коча, она же голос потеряла, – с ехидным выражением на продолговатой, со впалыми щеками морде напомнил битюгу Артур. – Слышать – слышит, а говорить пока не может...

– Ах да, – вспоминая, мотнул стриженной башкой губошлеп. Нехотя убрал руку, встал и посмотрел на чухонца. – Ну, тем лучше. Что скажешь, Ярри? Сладкую куколку мы с Арчиком сегодня прихватили?

– Красивая девочка, молоденькая, и фигурка как из «Плейбоя», – почесав лохматую рыжую грудь и прикурив сигарету, деловито ответил не уступающий габаритами Вовану блондин в «Адидасе». Глубоко затянувшись, он барским жестом выбросил вперед руку и щелчком стряхнул пепел на инстинктивно дернувшуюся в сторону, бледную как полотно Алену. – Если окажется целкой, вообще суперкино снимем... Кто такая, выяснили? Паспорт при ней был?

– Не было, – пожал плечами Вован. – Только баксы, штука девятьсот, немного рублей и электронная записная книжка без кнопок, типа блокнота. Ну, еще косметика... и пачка прокладок с крылышками! – громко гоготнул явно довольный собой ублюдок. – Течка, поди, у биксы. Я как раз люблю это дело. Ее трахаешь, она орет, кровящи – море! Кайф!

– Извращенец, – без толики осуждения спокойно констатировал очкарик.

– Тащи сюда компьютер, – нахмурил выпуклый высокий лоб трескоед Ярри. – Посмотрим...

– Ага, – губастый пошарил в «девятке» и принес оттуда сумочку Алены. Протянул чухонцу. – Деньги я, понятное дело, забрал, остальное все тут.

– Не слабо, штука девятьсот на карманные расходы! – подал голос очкарик. – Богатенькая, выходит, девочка... Папа, поди, барыга упакованный.

Закусив сигаретный фильтр зубами и молча взяв у Вована дорогую кожаную сумочку, блондин, морщась от дыма, быстро просмотрел содержимое, извлек портативный компьютер, небрежно отшвырнул сумку в угол и исподлобья взглянул на скованную ужасом, поджавшую ноги к груди Алену.

– Горло простудила, говоришь? – тихо пробормотал Ярри, умело активизировал компьютер, извлек из паза в корпусе пластиковый стек и несколькими точечными уколами в жидкокристаллический экран вошел в первый попавшийся файл. Прочитал текст, фыркнул и посмотрел сначала на подельников, а потом и на пленницу совсем иными глазами.

– Она не простужена, – заявил чухонец тоном прокурора. – Она немая по жизни. Как рыба.

– Да ну?! – вылупил зенки Вован. – Так это вообще ништяк! Рот можно не затыкать, кричать все равно не станет. Только будет, как корова, му-му! Ха-ха-ха!

– Идеальная жена, – поддержал амбала скрививший тонкие бесцветные губы очкарик. – Повезло бы какому-нибудь приباشленному мудаку, оторви он себе такую аппетитную ляльку. И посмотреть есть на что, и потрогать, а язык на замке. Да, видно, не судьба... – вздохнул мерзко-печально, разведя руками. – Как тебя хоть зовут, деточка? Скажи дядям, пожалуйста. А то, слышь, не очень мне нравятся эти французские штучки – трахать девушку, даже не спросив имени.

Ярри пристально посмотрел на Алену. Поколебавшись, дочь Тихого взглядом указала на записную книжку.

– Коча, а ну-ка развяжи ей руки, – приказал финн амбалу. Вован поспешно сунул руку в карман линялых джинсов, достал швейцарский перочинный нож со множеством прибабасов, оголил лезвие, ухватил за плечо и рывком поднял застонавшую и зажмурившую глаза от боли девушку на ноги, развернул спиной к себе и полоснул острой как бритва, сверкающей сталью по стягивавшим запястья капроновым кольцам. Путы упали на мокрый бетон. Вован снова развернул Алену лицом к себе и, с ходу наградив третьей по счету звонкой пощечиной, толкнул кулаком в грудь, припечатав к стене.

– Если твой мохнатый сейф уже вскрыли, то через часик мы с тобой сладко поиграем, киска! – приблизив мясистые губы к самому лицу Алены, брызгая слюной и дыша вонючим ртом, жарко прошептал Вован. – А сейчас крапай, как сказано! Имя, фамилия, адрес, кто шнуры. Быстро, бля!

Отморозок смачно харкнул на пол. Сохраняющий невозмутимую маску «спортсмен» Ярри без лишних слов протянул дрожащей девушке компьютер.

Алена медленно растерла розовые рубцы на запястьях, осторожно взяла из рук нелюдя свой блокнот и принялась сначала не спеша, а потом все быстрее и быстрее покрывать экран мелким каллиграфическим почерком. Закончив, с вызывающим видом сунула под нос финну. От взгляда чухонца не ускользнула перемена, происшедшая с потенциальной порнорабыней. Схватив компьютер, Ярри принялся быстро читать нацарапанный взбодрившейся девчонкой убористый текст.

Брови чухонца с первых же секунд плавно поползли вверх, по сторонам вздернутого, похожего на свинной пяточок розового носа пролегли глубокие складки. Дыхание участилось.

– Ни хера себе лялька, – чуть растерянно пробормотал Артур, как двоичник на контрольной заглядывая в монитор через плечо Ярри. – Я знаю, кто такой Тихий. Серьезный дедушка. Во, бля, вляпались...

– При чем здесь Тихий?! – заметно дрогнувшим голосом буркнул Вован, отпихнул подельника и взглянул на экран. Когда до громилы дошла суть написанного пленницей, он тихо присвистнул и тупо уставился на Алену.

В глазах девчонки плескалась смешанная со страхом лютая ненависть.

– Че таблом стрекочешь, овца малолетняя?! – скрипя зубами, процедил отморозок. – Теперь тебя точно кончать придется, усекла?! Бритвой по горлу – и привет братве!

Застывший каменным изваянием чухонец, явно игравший в этом мерзком трио первую скрипку, опустил компьютер-блокнот и вдруг широко улыбнулся, демонстрируя ровные белоснежные зубы.

– А мне ведь плевать, кто твой папа, – Ярри умышленно коверкал русские слова. – Кино, которое я снимаю, в совке никто не увидит. Слишком дорогое удовольствие для быдла. Так что выбирай. Если согласишься сниматься добровольно, тогда, обещаю, отношение к тебе будет человеческое. А нет... все произойдет так, как сказал Коча. Только не надейся, что умрешь

сразу. Прежде чем пристрелить и закопать, мы накачаем тебя наркотой и все равно снимем на видео. В самом гнусном виде. Под козлом или собакой. Ты въехала, беби?

– Куда она, на хер, денется с подводной лодки?! – рассмеялся Вован, демонстративно почесав в бугром выпирающем паху всей пятерней. – Через месяц ежедневных пиздюлей будет с заглотом брать и восьмерочкой подмахивать, как Тереза Орловски. Я, бля, гарантирую!

Алена заплакала, уронив лицо в ладони. Не в силах стоять на ватных ногах, медленно осела на корточки, прислонившись спиной к кирпичной стене гаража. Плечи ее подрагивали в такт рыданиям, все тело бил озноб.

Призрачная надежда на то, что одно лишь имя отца, известного в криминальном мире Петербурга авторитета, охладит пыл похитивших ее гнусных подонков, устроивших здесь, вдали от мегаполиса, студию по производству порнофильмов, растаяла как дым. Надеяться на помощь со стороны глупо. Все. Тупик. Прогулялась. Вдохнула воздуха свободы. До кровавых соплей, полной грудью...

Господи, ну почему ей так не везет?! Кого она хоть однажды обидела, кому причинила зло?! Неужели ее короткая, и без того малорадостная жизнь закончится здесь, в потных лапах похотливых извергов, которых и людьми – то назвать язык не поворачивается?! Как нелепо и как мерзко...

Нет, никогда! Ведь должен, обязательно должен быть выход! Отец не раз повторял: обратной дороги нет только из гроба. А ему, старому, битому волку, можно верить...

Сейчас самое главное – это оттянуть время, молнией пронеслось в сознании Алены. Обнадежить тварей, пообещать, сделать вид, что ради спасения жизни она согласна на любую низость. Порно так порно. Небольшая фора у нее все же есть, ведь регулярные женские дела только вчера начались. Но главное – она девственница. Если потребуется, пусть убедятся, скоты проклятые! Ее будут готовить, беречь для главного первого дубля! А значит, у нее есть время, есть совсем крохотный, максимум – один на миллион, но все-таки шанс на спасение. На побег.

– Твое решение? – хрустя костяшками пальцев, сухо потребовал Ярри. – Да или нет? Жизнь или смерть?

– Да че ты с ней возишься, братан, раком нагнуть и впендюрить по самые... – затянул, цедя слова, облом Коча, но недовольный рык банкующего в их дьявольской игре финна заставил его заткнуться. Чухонец пристально, не моргая, смотрел на потихоньку справляющуюся со слезами Алену. На какой-то миг глаза хозяина порностудии и дочери питерского крестного отца встретились.

Девушка, расправив плечи, едва заметно кивнула, опустив веки: «Я согласна».

Хрякоподобный Ярри ощерился:

– Тогда, соска, избавь меня от необходимости лазать тебе пальцем между ног и скажи сам: была с мужиком хоть раз?!

Алена стиснула зубы, потупилась и отрицательно качнула головой: «Нет».

– Во, а я че говорил! – довольно потер руки Коча, пихнув локтем расплывшегося в глумливой гримасе очкарика. – Как чувствовал! Прикинь, сколько нам такая козырная, еще не тронутая болтом щелка стоила бы через сутенера?! Сейчас малолетки, знаешь, какие ушлые пошли? Девственностью торгуют – только лавы шуршат! Бля буду, сам у шлюх узнавал, – чиркнул ногтем по обломанному зубу губастый мордоворот. – Страхолюдины по триста баксов просят, а про киску сладкую и говорить страшно!

– О'кей! – подвел черту окопавшийся на питерской земле чухонский боров. – Я держу свое слово. Будешь послушной девочкой, дам кушать фрукты, пить шампанское, курить травку и смотреть телевизор. Мое слово – закон. Предупреждений больше не будет. За слушание – смерть. Долгая и мучительная. Дальше...

Блондин замолчал, заметив недвусмысленный жест Алены. Девчонка вновь требовала блокнот.

Через минуту обладатель рыжей мохнатой груди прочитал:

«У меня тоже есть просьба, Ярри. Если вы ее не выполните, лучше убивайте меня прямо сейчас!.. Может, вам покажется странным, но я с двенадцати лет мечтала сниматься в порнофильмах. Но – в паре с красивым, хорошо пахнущим, мускулистым мужчиной, а не с обещанными вами животными и такими психически ущербными скотами, как эти двое! Я вижу, вы имеете над этими идиотами власть. Оградите меня от насилия, создайте нормальные условия, и, клянусь, вы об этом не пожалеете. Никаких угроз не понадобится. Вы будете благодарить судьбу за сегодняшний день, за случайность, которая свела нас!»

P.S. А ваша долбаная Тереза Орловски – просто старая шлюха с силиконовыми сиськами и вставными зубами. Я видела парочку фильмов, где она в главной роли. Этой жабе самое место в дешевом голландском борделе для моряков – делать минет за пять баксов».

От таких «откровенных» признаний смазливой шестнадцатилетней дочери питерского мафиози у много чего повидавшего профессионального порнодельца и душегуба просто отвалилась челюсть. Оторвав взгляд от экрана портативного компьютера, Ярри добрую минуту в упор разглядывал стоявшую перед ним у кирпичной стены гаража мокрую, испуганную, дрожащую то ли от холода, то ли от страха соплячку в брючном костюме и, шумно надувая вывернутые наружу свиные ноздри, пытался сообразить, в чем здесь подвох.

Так или иначе, но в течение следующих трех часов ни один из ублюдков Алену даже пальцем не трогал. Озадаченный и заинтригованный чухонец запер девушку в специально оборудованной для содержания секс-рабынь звуконепроницаемой комнате-камере, расположенной в подвале коттеджа, а сам с подельниками удалился ужинать, а заодно и обсудить, как им поступить с девкой...

Допить бутылку коньяку и съесть все выставленные на стол деликатесы подонки так и не успели. За окнами коттеджа послышалась пьяная ругань, а затем раздался грохот разбитого стекла неосмотрительно оставленного на улице, у дверей гаража, мини-вэна. А это почти пятьсот баксов ущерба!

– Выходи, сука, разговор есть! – грозно донеслось снаружи. И тут же об оконную решетку со звоном разбилась бутылка.

Некогда преуспевавший в стране Суоми по линии кикбоксинга Ярри взвился мгновенно и подбежал к окну. Наглость обезумевших мужиков была неслыханной. Тройка без меры заливших сливу местных аборигенов, подгоняемых зеленым змием, решила внагляк помериться силой с чужаком, выстроившим на бывших колхозных землях мозолящий глаза «трудящихся» шикарный особняк. О подобных случаях российских классовых разборок, время от времени происходящих на периферии, финн был уже наслышан...

Что ж, не на того напали. Мы не гордые, раз просят – выйдем.

– Звиздец червям! – без малейшего акцента злобно выругался Ярри. – Вован, там у одного из алкашей железный прут, так что прихвати «мосберг». Пора научить этих хвостатых Маугли правилам хорошего тона.

– Да я им за стекло на тачке башню свинчу!.. У-у-у, перхоть подъяичная! – хватая заряженное помповое ружье и пулей бросаясь к лестнице, словно раненый медведь заревел толстогубый Коча.

Трусоватый очкарик Артур предпочел в разборку не вмешиваться и, дожевывая кусок малосольной розовой лососины, подбежал к пластиковому окну, дабы иметь возможность наблюдать побоище с безопасной для здоровья дистанции.

То, что он вскоре увидел у крыльца, ему явно не понравилось. Так не понравилось, что Артуру очень захотелось, не сходя с места, вспомнить далекое детство, отягощенное дурной наследственностью и отсутствием памперсов, и написать прямо в штаны.

И написал, едва увидел прямо перед собой перекошенную от злобы скуластую рожу страшного, как чума, мужика лет тридцати пяти с помповиком и пистолетом в руках. Его угрожающая, но явно не плебейская внешность, дополненная к тому же кляксой сильно опаленных в районе лба коротко стриженных волос, входила в странный диссонанс с мятым бомжовым прикидом и стоптанными кроссовками.

«Киллер!» – это было последнее, что успел подумать взвизгнувший и упавший на колени Артур, прежде чем сильнейший боковой удар ногой в ухо сломал его дорогие цейссовские очки и погасил сознание, как тайфун – свечку.

Глава 11

Долететь от центра до Озерков быстро и тем самым опередить ментов не удалось – на Каменноостровском проспекте «Ягуар» Тихого попал в огромную, вызванную цепной аварией пробку и проторчал там, подпираемый спереди и сзади недовольно рычавшими машинами, добрых полчаса. Поэтому еще издали Тихий, напряженно вглядывавшийся в ветровое стекло «Ягуара», увидел стоявших возле распахнутых ворот его обстрелянного дома вооруженных автоматами сержантов. Возле коттеджа, огороженного высоким кирпичным забором, к моменту прибытия авторитета уже находились «БМВ-750» Бульдога, труповозка, «Скорая помощь», ментовский «бобик» и дряхлый бежевый «рафик» с распахнутыми дверцами, вне всяких сомнений, принадлежавший автопарку ГУВД.

Блатную английскую тачку, на которой обычно передвигался по Питеру Тихий, менты, видимо, знали, поэтому, едва завидев несущийся к дому «Ягуар», опустили автоматы и отошли в сторону, освобождая проезд.

Лихо заложив вираж, бронированный лимузин авторитета пролетел ворота и плавно притормозил возле широкой мраморной лестницы. Гулко хлопнули двери – охранник и старик выскочили наружу одновременно.

Прежде чем броситься внутрь коттеджа, Тихий, у которого от волнения и злости сперло дыхание, на секунду остановился, запрокинул голову и еще раз, сблизившись, посмотрел на зияющую на втором этаже дома, на месте окна каминного зала, опаленную выстрелом из подствольника прореху. На кирпичной кладке были отчетливо видны к тому же выбоины от пуль.

– Урою падлу! На куски порву! – едва слышно процедил авторитет, сжимая тощие слабые кулаки и невероятным усилием воли стараясь взять себя в руки. Сейчас, когда на него смотрят десятки чужих глаз, он должен держать масть и ни за что не выглядеть убитым горем, испуганным дряхлым стариком. В особенности перед мусорами, которые мысленно сейчас наверняка злорадствуют при виде свалившегося на него кровавого беспредела. Не дождутся, псы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.